

ЛАФКАДИО ХИРН

Мальчик, который рисовал кошек

и другие истории
о вещах странных
и примечательных

PREMIUM

Азбука Premium

Лафкадио Хирн

**«Мальчик, который рисовал
кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных**

«Азбука-Аттикус»

1898, 1897, 1901

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хирн Л.

«Мальчик, который рисовал кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных / Л. Хирн — «Азбука-Аттикус»,
1898, 1897, 1901 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-15389-9

Во всей англоязычной литературе трудно найти писателя более загадочного и странного, чем Лафкадио Хирн. Вернее, так: сам он столь же загадочен и странен, как те странные и загадочные истории, которые он сочинял. Есть писатели-домоседы. Сидят за письменным столом, скрипят пером или стучат по клавишам. Лафкадио Хирн из других. Он все время что-то менял. Родину, гражданство, имя, язык – писатель-перекати-поле. Он был греком, ирландцем, американцем, жил на острове Маврикий – и все это для того, чтобы окончательно утвердиться в Японии и из Патрика Лафкадио Хирна превратиться в Якумо Коидзуми. Вот такие метаморфозы. Истории, им написанные, полны призраков и странных событий. Япония, им описанная, – нереальная, фантастическая страна, в которой уживаются короли-демоны и самые обыкновенные люди. Потому что, как сам он сказал однажды, «искусство не существует без фантазии. По-настоящему художественное обязательно фантастично».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-15389-9

© Хирн Л., 1898, 1897, 1901

© Азбука-Аттикус, 1898, 1897, 1901

Содержание

Лафкадио Хирн: сочинитель «странных» историй	7
Кайдан. Истории и сведения о вещах странных и примечательных	13
Волшебная история о слепом музыканте	14
Осидори	20
История О-Тэи	22
Сакура кормилицы	24
Искусство дипломатии	25
О зеркале и колоколе	27
История о гоблине, поедавшем людей	30
Мудзина	33
Рокуро-куби	35
Тайна мертвой женщины	40
Юки-онна	42
История Аояги	45
Сакура шестнадцатого дня	51
Сон Акиносукэ	52
Рики-Бака	56
Подсолнух	58
Хорай	60
Карма и другие истории	62
Мальчик, который рисовал кошек	63
Гоблин-паук	65
История о женщине, которая потеряла клетку из рисовой муки	66
Тин-тин Кобакама	69
Сокрытое во мгле	73
Примирение	74
Девушка с бумажного экрана	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лафкадио Хирн
«Мальчик, который рисовал
кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных
Сборник

© А. Танасейчук, вступительная статья, состав, перевод, 2018

© В. Чурсин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лафкадио Хирн: сочинитель «странных» историй

Почти невозможно представить себе писателя, которого почитают собственным национальным достоянием сразу четыре народа – ирландцы, американцы, греки и... японцы. Тем не менее такой автор существует, зовут его Лафкадио Патрик Хирн (1850–1904), впрочем японцы предпочитают называть его Якумо Коидзуми, и это вполне оправданно. Что интересно: ни одна из упомянутых наций совершенно не стремится (как это бывает!) доказать свое право единолично «владеть» писателем. В этом есть справедливость: разные этничности вполне органично сосуществовали в душе художника при его жизни. Не конфликтуют они и *post mortem*. За свою недолгую жизнь Хирн поочередно побывал сначала греком, потом – ирландцем, гражданином Британской империи, затем американцем и, наконец, почти полноценным японцем и скончался, кстати, подданным микадо. С завидной регулярностью он менял и имена. С рождения лет до двадцати пяти его звали Патриком. Потом он надолго превратился в Лафкадио Хирна, а с середины 1890-х – и уже до конца дней – его звали Якумо Коидзуми.

Он немало путешествовал по миру. Можно даже сказать: вся его жизнь – это путь. И двигался он всегда в одном направлении – на запад. Только для того, чтобы в конце концов оказаться на самом что ни на есть Дальнем Востоке – в Японии.

Но поразительно и странно не это, а то, что судьба заставляла его постоянно менять этничность. Грек по матери, он формировался и рос в Ирландии, вполне органично впитывая ее культуру (см. рассказ «Подсолнух»). Потом оказался в США, на Среднем Западе, и был вынужден адаптироваться к местному культурному коду. Затем обосновался в Новом Орлеане. А этот город по своему духу и атмосфере разительно отличался от того, к чему он уже привык в американской глубинке. Но он искренне полюбил и узнал его. Прошло несколько лет, и вот Хирн уже вне пределов США – на французских Карибах, на Мартинике. А там не только другой язык – там люди живут совсем по-другому. У них иной опыт – исторический и культурный, иные ценности, другая религия... Цвет кожи, наконец! Но и в эту жизнь он вписался. А потом очутился в Японии и... превратился в японца. Выучил язык, отказался от европейской одежды и пищи, поселился в японском доме, женился на японке и стал... Якумо Коидзуми. О произошедшей метаморфозе точно написал австриец Гуго фон Гофмансталь, хорошо знавший писателя: «Лафкадио Хирн, так глубоко и сильно любивший Японию, быть может, единственный европеец, знавший эту страну в совершенстве и привязанный к ней всем сердцем. Он любил ее не любовью эстета и не любовью ученого, а любовью сильнейшей, всеобъемлющей, редкой – любовью, которая живет внутренней жизнью любимой страны». Конечно, история литературы знает примеры вполне успешной смены этничности: Владимир Набоков, Эльза Триоле, Анри Труайя. Но Лафкадио Хирн, конечно, иной случай – и совершенно уникальный. Русские превращались в американцев, французов, а тут столько всего! Впрочем, быть может, он от рождения был космополитом и потому без труда менял языки и национальности?

Хирн прожил недолгую жизнь и едва ли был счастлив. Неудачи преследовали его почти постоянно. Во многом они стали следствием личных обстоятельств. Он был не уверен в себе, мнителен, скрытен, более готов к поражениям, чем к победам. Дитя мезальянса (как в социальном, так и в национальном смысле), он родился на острове Левкас (Лафкадия – в греческой транскрипции). От греческого названия острова происходит и его необычное имя – Лафкадио. Впрочем, до двадцати пяти лет его чаще называли Патриком, именем, которое дал ему отец. Последнего звали Чарльз Хирн, он был военным врачом – офицером британской армии и оказался на архипелаге волею обстоятельств. Чем он покориł красавицу-гречанку по имени Роза – неизвестно, но она родила ему трех сыновей и уехала с ним на его родину, в Ирландию. В Дублине жили родители и многочисленная родня мужа. Здесь Чарльз Хирн оставил молодую жену и детей на попечение родственников и отправился в Россию, на Крымскую войну. Потом-

ственный дворянин и талантливый хирург, он тем не менее был человеком невысокой морали и нравственности и не способен на настоящие, глубокие чувства. Когда он вернулся из России, то любил уже другую женщину. Роза страдала в Ирландии – и от климата, и от одиночества, по-английски она почти не понимала и разговаривать не умела. Муж был всегда далеко – то на одной войне, то на другой, и к тому же совсем не любил ее. Она отпросилась погостить на родину, чтобы не возвращаться обратно. Там она вскоре заболела, впала в глубокую депрессию, а потом оказалась в сумасшедшем доме, где через несколько лет умерла.

Будущий писатель навсегда расстался с матерью в возрасте шести лет и поэтому почти не помнил ее. Родителей заменила тетя отца – женщина очень мягкая и добрая, искренне любившая и жалевшая Патрика. Ребенку с экзотической «южной» внешностью и выговором жить среди англосаксов и кельтов было нелегко. Домашний мальчик, он не имел друзей, физически не был крепок и часто просто не мог постоять за себя. К тому же в результате несчастного случая ослеп на один глаз и очень страдал от своего «уродства». Его отправили в хорошую школу, но окончить ее ему не довелось – денег у тети было совсем мало. Без образования и специальности, без протекции надежд реализовать себя на Британских островах у него не было. В девятнадцать он перебрался в Америку к дальним ирландским родственникам и поселился в Цинциннати, штат Огайо. Учился на печатника, но стал журналистом. Писать начал почти случайно, отчаянно нуждаясь в дополнительном заработке. Начинал как репортер криминальной хроники и рецензент книжных новинок. Его первая газета была небольшой, и получал он совсем немного, но с самого начала своей карьеры выделялся: писал не как репортер, совсем не так, как другие, – рассказывал красиво, порой несколько вычурно о вещах прозаических, обыденных, даже грубых и жестоких.

Здесь, в Огайо, Патрик Хирн окончательно превратился в Лафкадио Хирна. Здесь же, в Цинциннати, к нему пришло отчетливое понимание того, что его призвание – литература. С 1872 по 1875 год он активно сотрудничает в «Cincinnati Daily Enquirer» – крупнейшем периодическом издании штата. В газете он снискал репутацию энергичного репортера, но рамки газеты ограничивали, ежедневная рутина газетной работы сковывала творческую индивидуальность. В 1874 году вдвоем с товарищем-художником они организуют собственное издание под названием «Ye Gighlampz» – иллюстрированный еженедельный журнал искусств, литературы и сатиры, вся литературная составляющая которого принадлежала Хирну, а многочисленные иллюстрации – его партнеру. Появление нового издания не прошло незамеченным: его с удовольствием покупали и читали. Но успех оказался недолгим: было выпущено всего лишь девять номеров, до того как предприятие обанкротилось. Возможно, Хирну удалось бы преодолеть и этот кризис, но на исходе 1875 года его уволили из «Enquirer», и он остался без работы. Поводом к увольнению стала его... женитьба. Он женился на женщине старше себя, с ребенком. Но причина заключалась не в этом, а в том, что в жены он взял негритянку, в прошлом рабыню, а этого местное общество не могло вынести. Хотя Огайо и был штатом не рабовладельческим, подобный мезальянс в глазах местного сообщества был недопустим. Травля со стороны обывателей, отсутствие работы, депрессия привели к тому, что брак распался и Хирн уехал из Цинциннати.

Осенью 1877 года начинается новый период в жизни и творчестве Хирна: он отправляется на Юг, в Луизиану, в «экзотический» Новый Орлеан. Здесь он вновь активно работает для газет и сотрудничает сначала в «Daily City Item», а затем в «Times Democrat». Хирн положительно очарован местной креольской экзотикой: он изучает язык – местный диалект французского, увлечен историей и топографией Нового Орлеана, исследует городские достопримечательности и интенсивно впитывает местную культуру: путешествует по креольским поселкам в дельте Миссисипи, собирает все, что касается креольских обычаев, ритуалов и верований, коллекционирует кулинарные рецепты, размышляет о влиянии климата на местные нравы и неумоимо пишет, пишет... С этим материалом он выходит на национальную литературную

арену: его очерки о креольской экзотике начинают публиковать ведущие американские литературные журналы того времени – «Harper's Weekly» и «Scribner's Magazine».

В Новом Орлеане Хирн сформировался как художник, начал писать рассказы, опубликовал первую повесть «Chita: A Memory of Last Island» – о трагедии острова, смытого штормовыми волнами в море вместе с обитателями. Подружился со многими местными литераторами. Здесь открылась еще одна грань его дарования – переводческая. Он хорошо знал французский и любил французскую литературу. Первая известность в масштабах США пришла к Хирну именно как к переводчику: он переводил прозу Т. Готье, Г. Флобера, Ж. де Нерваля, Э. Золя и, главное, Ги де Мопассана, в рассказы которого был влюблен. Хирн одним из первых познакомил американцев с художественным миром великого француза. Здесь, в краю креолов и французской речи, обращение к романской словесности было естественно и вполне объяснимо.

Хирн всегда много читал – и в детстве, и в зрелые годы. Французская литература для него значила немало, но все-таки образцом художника стал Эдгар Аллан По. Увлечение жанром «страшного рассказа» состоялось, безусловно, благодаря творческому опыту предшественника. Рассказы о привидениях тогда в Америке писали многие. Но у Хирна была своя цель – не развлечь читателя, пощекотав ему нервы, а заставить ощутить, что жизнь не сводится исключительно к погоне за деньгами, но полна таинственного, загадочного и прекрасного.

К фантастике и фантастическому Хирн тянулся, видимо, с самых юных лет. Но возможность сочинять фантастику получил только в Новом Орлеане, на рубеже 1870–1880-х годов. Именно тогда на страницах местных газет появляются его первые фантастические истории: «Ночь Всех Святых», «Дьявольский карбункул», «Незнакомец», «Призрачный поцелуй», «Мертвая любовь», «История цыганки» и другие. Рассказы эти, конечно, еще ученические. Писатель только ищет свою форму, стилистику, жанр. Но эти, главным образом «страшные», истории уже предвещают появление его японских легенд и сказок.

Когда Хирна спрашивали, почему он сочиняет такие странные тексты (а современникам они казались именно такими), он неизменно отвечал: «Искусство не существует без фантазии. По-настоящему художественное обязательно фантастично».

Постепенно как писатель – автор «экзотических» очерков и «страшных» рассказов – Хирн завоевывает национальную известность. В 1887 году редакция «Harper's Weekly» предлагает ему в качестве корреспондента журнала отправиться в длительную командировку на острова французской Вест-Индии. Предложение уважаемого издания пришло вовремя: в осенние месяцы 1887 года Хирн переживал очередную глубокую депрессию и даже пытался покончить жизнь самоубийством.

Два с лишним года Л. Хирн прожил на острове Мартиника, знакомясь с местной жизнью, изучая обряды вуду, сочиняя очерки и корреспонденции для «Harper's», занимаясь переводами с французского и составляя книгу путевых заметок «Два года во французской Вест-Индии», которая вышла в 1890 году и вызвала большой читательский интерес. Тогда же, во второй половине 1880-х, у писателя просыпается интерес к Востоку, точнее – к Китаю (и этим интересом Хирн был обязан прежде всего работам французских синологов, которые усердно штудировал): он начинает изучать буддизм и философию дзен, увлекается средневековой китайской литературой, публикует в «Harper's» несколько собственных переработок старинных китайских историй о привидениях. В 1887 году на основе этих публикаций Хирн издает небольшую книжку под названием «Несколько китайских историй о привидениях».

Вероятно, проснувшимся интересом к Востоку, востребованностью публикаций можно объяснить новое предложение редакции: отправиться корреспондентом в Японию.

В те годы – на рубеже двух столетий – в Америке и Европе интерес к Японии был очень велик. Недавно совершенно закрытая для иностранцев страна, казалось бы навечно скованная паутиной древних ритуалов и условностей, с началом эпохи Мэйдзи, не отказываясь от привычных традиций, вдруг начала стремительно развиваться решительно во всех областях:

гуманитарной, промышленной, военной, проводить политику аннексий и захватов и энергично распространять свое влияние на все страны юго-восточного региона. Специфический интерес читателей и должен был удовлетворить корреспондент.

Однако, оказавшись там, Хирн начал писать совсем о другом: не о растущей военной мощи и индустриализации Японии, а о ее культуре, традициях и верованиях, самураях и крестьянах, описывал жилища и отношения между японцами, рассказывал об игрушках, театре кабуки, пище и костюмах, сочинял истории о привидениях и гоблинах. Стоит ли удивляться, что автор очень скоро перестал быть иностранным корреспондентом – контракт с ним был расторгнут. Но, судя по всему, это не очень его огорчило: он привык довольствоваться малым, и японский стиль жизни давал ему такую возможность. Позднее, в очерке «Дух японской цивилизации», он с явным внутренним одобрением специально остановится на этом – характерном для японцев – бытовом минимализме и обнаружит в нем не только одну из особенностей японской житейской философии, но попытается интерпретировать его в качестве основы внутренней стабильности и устойчивости традиционной культуры, ее прочности по сравнению с культурой западной.

В Японию Хирн переехал весной 1890 года и до конца дней безвыездно – лишь время от времени меняя японские адреса – жил в Стране восходящего солнца. Хирн был космополитом, любой дом был для него чужим – так повелось с младенчества. Может быть, поэтому переезд из «неформальной» Америки в предельно ритуализированную Японию дался ему так легко.

После того как перестал быть корреспондентом американского журнала, он без труда нашел себе работу: не только Запад пристально вглядывался в Японию, но и Япония всматривалась в Запад – во многих японских школах и университетах начали изучать и преподавать английский язык, а квалифицированные учителя были в дефиците.

В школе Хирн проработал недолго. Вскоре его пригласили в университет читать курс западной литературы. Трудоустройству помогло знакомство, а затем и дружба писателя с выдающимся исследователем Японии сэром Бэзилем Чемберленом (1850–1935), который отрекомендовал своего соотечественника. В 1890-е годы они были очень близки и постоянно общались. Впрочем, в самом начале 1900-х их пути разошлись: Хирн поссорился с ученым. И причиной тому стала Япония. Чемберлен изучал, коллекционировал и вывозил артефакты. А писатель любил Японию, холодный интерес исследователя был ему совершенно чужд.

Л. Хирн преподавал в разных университетах и преуспел в этом. Вершиной его карьеры стал пост профессора английской литературы в Токийском императорском университете.

Похоже, Лафкадио Хирн с самого начала знал, что приехал в Японию не в гости, а навсегда. Будучи преподавателем, он одновременно и сам был студентом, изучая язык, впитывая обычаи и культуру, дух Японии. Он вжился в эту действительность. Получил японское подданство, был принят в старинную самурайскую семью, женился, взял японское имя – теперь его стали звать Якумо Коидзуми. Здесь началась подлинная литературная жизнь Хирна. Он писал не для денег, а для удовольствия. Впитав японский мистицизм, он избрал для себя традиционный японский жанр – волшебную сказку о привидениях и злых духах. Такие истории сочиняли в Средние века, сочиняли их и современники Коидзуми. Он писал по-английски. Его аудитория была совсем невелика – читатели единственной в Японии англоязычной газеты, большей частью такие же экспатрианты, не вписавшиеся в западную жизнь, как и он сам.

Без сожаления в свое время отвергнув Хирна, Запад вновь открыл его в 1890-е годы. Он сам как личность, а еще в большей степени его необычная проза были очень популярны на Западе на рубеже XIX–XX веков. В Европе первыми его узнали французы. В этом факте была логика – в свое время молодой Хирн с энтузиазмом открывал французскую литературу американцам и другим англоговорящим читателям. Затем с его прозой познакомились Италия, Германия, Австрия. О нем с восторгом писали английские эстеты и немецкие символисты. Большой известностью и популярностью пользовался Хирн в России в начале XX века:

переводили и издавали его книги, интересовались жизнью писателя. В преддверии катастрофической для России войны с Японией европеец, живущий в стане противника, досконально знающий традиции и обычаи народа таинственной страны, вызывал особый интерес. То, что интерес этот не угас и после войны, свидетельствовало о том, что Хирн оказался настоящим художником, не зависящим от конъюнктуры момента. Увы, последняя книга «американского японца» вышла в России в 1918 году в Петрограде. Что было потом, хорошо известно. Привидениям и духам этого странного писателя не могло быть места в советской действительности. Его забыли в России, но не забыли в других странах – в первую очередь в Америке и Японии, где книги Хирна пользуются устойчивым интересом, по его произведениям ставят спектакли, снимают фильмы.

Но в последние годы Лафкадио Хирн начал возвращаться и в Россию. В 1997 году московское издательство «Муравей» без серьезных изменений воспроизвело изданную в 1918 году в Петрограде книгу писателя «Душа Японии» (*Кокоро*). В 2000 году Санкт-Петербургское издательство «Северо-Запад» выпустило сборник «Мир по-японски», в котором нашлось место двум эссе Хирна. Два года спустя появилась книжка «Японские квайданы», в которой оказалось несколько рассказов писателя о призраках. Автор настоящих строк тоже поучаствовал в возвращении писателя: опубликовал подборку его фантастических историй и статью о нем в журнале «Восточная коллекция» (2009), напечатал две книжки «Причудливый мир Лафкадио Хирна» (2009) и «Волшебные истории о таинственном и ужасном» (2014), а также ряд статей и материалов к творческой биографии этого незаурядного литератора. В 2015 году московское издательство «Престиж бук», специализирующееся на малотиражных изданиях для коллекционеров, выпустило том «японских» историй писателя в переводах А. Танасейчука. В следующем году в двуязычной «Библиотеке япониста» ИД «Востоковед» издал сборник «Гений японской цивилизации», составленный уже из этнографических очерков Л. Хирна. Наконец, совсем недавно «Центрполиграф» (Москва) представил книгу «Призраки и чудеса в старинных японских сказаниях», почти в полном объеме воспроизводящую самый известный «фантастический» сборник писателя «Kwaidan: Stories and Studies of Strange Things» (1904). Словом, Лафкадио Хирн возвращается. Возвращается всерьез и надолго. И настоящая книга тому подтверждение.

Лафкадио Хирн умер внезапно, скончавшись от сердечного приступа. Случилось это накануне Русско-японской войны, но, конечно, никак с этим событием не было связано.

С тех пор минуло уже более ста лет. Многие из того, о чем писал Хирн, не сбылось, в частности его прогнозы относительно неизбежной гибели западной цивилизации и торжества цивилизации восточной. Но и сейчас Хирн продолжает оставаться не только одним из наиболее оригинальных авторов «страшного» рассказа, но и писателем, у которого свое собственное место в истории мировой литературы, который сумел создать свой собственный уникальный художественный мир.

И в завершение – несколько слов от переводчика.

Международная известность Хирна связана в первую очередь с японской тематикой и конкретно – с жанром «страшного рассказа» или «рассказа с привидениями», усилия переводчика были направлены именно в эту сторону. В процессе изысканий (а поиск произведений автора, жившего на рубеже XIX–XX столетий, – непростая задача!) и работы над текстами выяснилось несколько интересных особенностей. Прежде всего Л. Хирн не был сочинителем «японских страшилок» в средневековом духе. Точнее, он им, конечно, был, но видел в них не самоценное явление, способное развлечь (и напугать!) англоязычного читателя, а один из эффективных инструментов знакомства людей Запада с особенностями японской цивилизации и культуры, удачный способ для демонстрации своеобразия ментальности восточного чело-

века, необычных пространств его внутреннего мира. Все они носят ярко выраженный этнокультурный характер, в том числе знакомят с реалиями жизни современной писателю Японии.

Очевидны фольклорные и литературные истоки историй Хирна о странном и загадочном. Публикуя очередную «сказку» или целую их подборку, он нередко указывал на то, при каких обстоятельствах познакомился с сюжетом, в какой местности она бытует в изустной традиции или из какого источника – древней японской (или китайской) книги – он ее извлек. Весьма симптоматична и такая – типичная для Хирна – особенность: публикуя свои истории, он часто называл себя повествователем, рассказчиком, а то и пересказчиком и указывал, что не сочинил, а только пересказал сюжет. Конечно, писатель лукавил. Он совершенно напрасно понижал планку – едва ли кому-то придет в голову сомневаться в художественных достоинствах его «странных историй». Совершенно очевидно, что его фантастические повествования живут и продолжают привлекать все новые поколения читателей.

Необходимо отметить и еще одну особенность. Японские «страшилки» Хирна растворены среди его книг о Японии, изданных в 1890–1900-е годы. В отдельных сборниках фантастические истории выделены в специальный раздел (например, в упоминавшейся книге «Кайдан» или в сборнике «Котто»), в других – перемежаются текстами иных жанров (в «Кокоро» и др.). Поэтому переводчику пришлось разыскивать и в буквальном смысле выуживать фантастические тексты из прижизненных книг писателя. К тому же в то время сборников, целиком составленных из фантастических историй на японскую тему, не было. Видимо, автор не считал их самостоятельными текстами. Исключения составляют издания токийского печатника Т. Хасэгава, который выпускал серию «Японские сказки» («Japanese Fairy Tales Series»). Но это были совсем небольшие книжки: каждый выпуск состоял из одной сказки. И они были рассчитаны главным образом на японскую аудиторию. Прежде всего – на тех продвинутых японцев, которые изучали английский язык. Зато были очень красивы – имели крупный шрифт, были богато иллюстрированы цветными рисунками. При желании любой без труда их отыщет в Интернете – достаточно ввести имя издателя и название серии. Всего Хасэгава издал около четырех десятков таких книжек. Первая серия выходила в 1880-е годы. Вторая позднее – на рубеже двух столетий. Сказки Л. Хирна печатались во второй серии, и их было только четыре.

Совсем иной характер приобрела ситуация после смерти писателя и окончания Первой мировой войны. В конце 1910-х – 1920-е годы благодаря множеству публикаций художественных и иных текстов, разнообразных материалов, появлению биографий Лафкадио Хирн приобрел большую известность, стал популярен. Особенно по нраву читателям пришлись его «страшные» истории. Издатели начали собирать такие тексты. Но поскольку заниматься этой кропотливой работой им было недосуг (да и с коммерческой точки зрения неразумно), стали появляться сборники, автором которых значился писатель, но часть текстов (иной раз основная) принадлежала не ему, а другим. Это внесло изрядную путаницу, привело к тому, что Хирну стали приписывать чужие произведения. Естественно, это затрудняло работу переводчика. В связи с этим можно допустить, что какие-то фантастические истории ускользнули из поля зрения, но основной корпус таких текстов теперь, безусловно, становится достоянием русскоязычного читателя.

А. Танасейчук

Кайдан. Истории и сведения о вещах странных и примечательных

Из сборника «Kwaidan. Stories and Studies of Strange Things», 1904

Волшебная история о слепом музыканте

Более семисот лет тому назад в Дан-но-ура, что находится на берегу пролива Симонсеки, произошла битва. Она стала последней в долгом противостоянии Хэйкэ из клана Тайра и Гэндзи из клана Минамото. В этом сражении Хэйкэ потерпели окончательное поражение. Следствием этого стало полное уничтожение рода – погибли даже женщины и дети, был убит и младенец-император – в истории он известен под именем Антоку Тэнно. На долгие семьсот лет призраки населили берега пролива и даже глубины моря. Может быть, вы где-нибудь читали о странных крабах, которых иногда находят здесь, – их называют крабами Хэйкэ. У них на панцире очертания человеческих лиц, и говорят, что в крабах, должно быть, воплотились души погибших воинов Хэйкэ. Много странного можно услышать и увидеть на берегах пролива. В темные ночи на его пляжах загораются тысячи призрачных огней и плывут над волнами. Эти тусклые огни рыбаки называют *они-би* – или костры дьявола. И всегда, как только задувает ветер с моря, он доносит пронзительные крики – словно погибшие воины вновь сзывают своих товарищей на битву.

В давние годы духи мертвых Хэйкэ были куда воинственнее, чем сейчас. Случалось, призраки даже поднимались из водных глубин и забирались на корабли, плывущие в ночи, а затем топили их. Они всегда следили, чтобы никто из команды не спасся вплавь, а если такой находился, обязательно пытались убить и его. Чтобы успокоить души мертвецов, в Акамагасэки, прямо на берегу пролива, построили буддийский храм. Рядом с ним, почти на пляже, было разбито кладбище. Здесь же установили поминальные столбы юному императору и его вассалам, а их имена начертали на могильных камнях. Буддийские монахи регулярно проводят здесь службы – души мертвых должны пребывать в покое. После того как храм был построен, а кладбище покрылось могильными плитами, мертвые Хэйкэ стали тревожить живых куда меньше, чем прежде. Но, увы, не прекратили этого совершенно – странные вещи продолжали случаться, и это доказывало, что полного упокоения им так и не удалось обрести.

Несколько сот лет тому назад в Акамагасэки жил слепой человек по имени Хоити. В округе он был известен своими замечательными талантами певца и исполнителя на народном японском инструменте *бива*¹. С младых ногтей он учился этому нелегкому искусству и со временем даже превзошел своих учителей. Славой несравненного мастера *бива-хоси*² он был обязан в первую очередь своим сказаниям о Хэйкэ и Гэндзи. Говорили, что, когда он пел песню о сражении при Дан-но-ура, не могли удержаться от слез даже *кидзин* – гоблины, существа, как известно не склонные к проявлению чувств.

В начале своей карьеры Хоити был очень беден, но вскоре у него появился покровитель и друг, который стал ему помогать. Священник местного храма Амидадзи очень любил поэзию и музыку. Он часто приглашал Хоити в храм, чтобы тот мог выступать со своими сказаниями. Позднее, очарованный талантом молодого поэта, он предложил ему перебраться в храм окончательно, чтобы обрести в нем дом. Поэт с благодарностью принял предложение. Хоити дали комнату в храме и обеспечили пищей. Взамен музыкант должен был по определенным дням улаживать слух священника своими песнопениями и время от времени выступать в храме.

Однажды ночью, в летнюю пору, священника вызвали к умирающему совершить последний обряд. В дом прихожанина он отправился вместе со служкой, а Хоити остался в помещении храма один. Ночь была жаркой и душной, и в поисках вожаемой прохлады слепой певец расположился на веранде перед входом в свою комнату. Веранда выходила в маленький сад,

¹ *Бива* (яп. 箏) – старинный японский четырехструнный музыкальный инструмент сродни домре.

² *Бива-хоси* (яп. 箏法師) – странствующий исполнитель на биве.

разбитый во дворе храма. На веранде было немного прохладнее, и Хоити решил дождаться здесь возвращения настоятеля. Чтобы скоротать время и скрасить одиночество, он по привычке взял инструмент и принялся негромко наигрывать. Между тем минула полночь, а священник не возвращался. Пора было вернуться в комнату и лечь спать, но внутри еще было слишком жарко. Поэтому Хоити остался снаружи. Наконец он услышал шаги – они приближались, кто-то шел от задней калитки. Человек пересек сад, подошел к веранде, поднялся и остановился напротив. Но это был не священник. Глубокий голос назвал слепого по имени, но прозвучало это не так, как обычно, а резко, отрывисто, почти грубо – так обычно разговаривают самурай с людьми ниже себя по званию.

– Хоити!

– Здравствуйте, господин! – почтительно ответил слепой. Жесткая интонация в голосе говорившего испугала его. – Я слеп и не вижу, с кем разговариваю.

– Тебе нечего бояться, – отвечал неизвестный. Теперь голос его звучал мягче. – Я живу в гостинице рядом с храмом. Меня послали к тебе со следующим известием. Мой господин, вассалом которого я в настоящее время являюсь, человек очень высокого ранга, сейчас остановился со своими многочисленными придворными в Акамагасэки. Он пожелал осмотреть место сражения в Дан-но-ура и сегодня посетил его. Там он услышал о твоих талантах и теперь желает, чтобы ты продемонстрировал свое искусство. Бери инструмент и немедленно отправляйся со мной – мой господин и его свита не привыкли ждать.

В те времена замешкаться, исполняя приказ самурая, было совсем не безопасно. Поэтому Хоити только лишь надел сандалии, взял биву и отправился вместе с самураем. Незнакомец вел его, легко, но твердо держа под локоть и поминутно потирая плечо. Рука, которая вела Хоити, если только его не подводили ощущения, была одета в железную перчатку. Звон и лязг, раздававшиеся при каждом шаге воина, ясно указывали, что тот был при полном вооружении и в доспехах. Хоити заключил, что это, вероятно, один из воинов стражи. Тревога, поначалу охватившая музыканта, утихла. Напротив, заключил он, ему улыбнулась настоящая удача – не случайно тот, кто сопровождал его, упомянул о «господине очень высокого ранга». Он подумал, что это, должно быть, один из очень немногих в Японии *даймё* – владетельных князей высшего уровня. Сопровождавший музыканта самурай остановился. Хоити понял, что они стоят у каких-то больших ворот. Но куда же они пришли? Он точно знал, что никаких больших ворот в городской стене с этой стороны не было. В Амидадзи только одни ворота – главные городские, но, чтобы попасть туда, нужно идти в совершенно другую сторону.

– *Кэймон!*³ – раздался громкий выкрик самурая, и ворота с громким скрипом и скрежежом отворились.

Они прошли через сад (Хоити догадался, что это был сад) и снова остановились перед входом в какие-то помещения.

– Мы у дверей! Я привел Хоити! – выкрикнул самурай, и певец услышал звуки торопливых шагов, передвигаемых ширм и экранов, затянутых бумагой, и двери открылись, женские голоса выплеснулись навстречу. По интонациям их Хоити понял, что женщины исполняют обязанности прислуги в этом благородном доме, но их голоса не могли помочь ему понять, куда он все-таки попал, а времени подумать об этом у него совсем не было. Его взяли под руки и помогли преодолеть несколько ведущих вверх каменных ступеней, затем сняли с него сандалии. Женская рука повела его по полированной поверхности деревянного пола – босыми ногами он ощущал его. Они шли бесконечными переходами куда-то вглубь обширного помещения, но поворачивали так часто, что Хоити совсем перестал ориентироваться, пока наконец не очутился в большом зале. Музыкант догадался об этом: он слышал шелестящие звуки множества шелковых одежд, и они были подобны шелесту листьев в лесу. Он слышал звучание

³ *Кэймон* – традиционная японская словесная форма обращения самурая к стражнику с приказом открыть ворота.

голосов и их оттенки. Он понял, что помещение, где он находится, велико и просторно – так гулко раздавались голоса.

Хоити сказали, чтобы он не стеснялся, и постелили ковер – при игре на биве исполнитель встает на колени, без этого, как известно, обойтись невозможно. Он расположился на ковре и принялся настраивать свой инструмент. Через некоторое время к нему обратилась женщина (он понял, что это была *родзё*, или главная среди слуг) и сказала, что он может начинать и должен исполнить свое знаменитое «Сказание о Хэйкэ».

Вся поэма была очень велика, и, чтобы исполнить ее целиком, требовалась не одна и даже не две ночи. Поэтому певец так отважился задать вопрос:

– Поэма не скоро сказывается, и, чтобы исполнить ее целиком, необходимо очень много времени. Какую из частей поэмы хотели бы услышать уважаемые господа?

Женский голос ответил:

– Исполни историю о битве при Дан-но-ура. Нет ничего горше того, что там было.

Хоити возвысил голос и запел под аккомпанемент своего инструмента. Он пел о битве на горьких морских волнах, отбивая ритм и заставляя свой инструмент звучать на разные лады и голоса. То он подражал шуму рассекающих воду весел и стремительному порыву судов, то слышались в его музыке свист летящих стрел и крики умирающих воинов, то вдруг раздавался скрежет стали о доспехи самураев и грохот раздираемых в столкновении корабельных бортов. И слева, и справа от музыканта то и дело раздавались приглушенные восхищенные возгласы: «Как изумительно он играет! В наших краях я никогда не слыхивал ничего подобного! Во всей империи, верно, не сыскать певца, равного Хоити!»

Он слышал эти слова, они добавляли ему храбрости, и он играл и пел все лучше и лучше – так, как никогда не пел и не играл прежде. А когда он наконец дошел до самого трагического эпизода – безжалостного убийства беспомощных и незащищенных женщин и детей, а потом и до сцены смерти младенца-императора, – разноголосый хор горюющих голосов слился в один протяжный вой отчаяния и скорби. Был он таким искренним и полным трагического чувства, что слепой даже испугался того, какую боль и страдание он причинил людям. Возгласы и стелания продолжались и тогда, когда он уже закончил петь. Но постепенно и они стали стихать. Тогда он вновь услышал голос той же женщины. Она сказала:

– Хотя мы знали заранее, что вы очень хороший музыкант и певец, но даже не могли предположить, что ваше мастерство велико настолько, насколько вы продемонстрировали его сегодня. Наш властелин остался очень доволен вами и собирается наградить вас. Но он желает, чтобы вы пели для него в течение следующих шести ночей подряд, – после этого наш господин, скорее всего, отправится в путь. Следовательно, завтра ночью, в тот же час, вы вновь должны быть здесь. Человек, который привел вас сюда сегодня, придет за вами и завтра... Есть еще одно обстоятельство, о котором я должна вам сообщить. Наш господин путешествует инкогнито, поэтому никто не должен знать о том, что он находится здесь, в Акамагасэки, и вы никому ни под каким предлогом не должны говорить о том, куда вы ходите по ночам. Таков его приказ. А теперь вы можете вернуться домой.

После того как Хоити поблагодарил женщину, она взяла его за руку и отвела к тому месту, где он расстался с самураем. Воин ждал его и отвел к храму, где и простился с музыкантом.

Хоити вернулся почти на рассвете, но его отсутствия никто не заметил – настоятель вернулся поздно и решил, что его подопечный уже спит. Хоити ничего никому не сказал о своем приключении и, хотя он устал, смог найти время днем, чтобы выспаться.

На следующую ночь, в тот же поздний час, за ним вновь прибыл самурай и отвел туда, где музыкант выступал накануне. Новое представление прошло с тем же успехом, что и предыдущее, но его отсутствие было замечено в храме. Утром, вскоре после возвращения, настоятель призвал его к себе и принялся расспрашивать.

– Мы очень беспокоились о вас, друг мой. Выходить одному на улицу в такой поздний час очень опасно, – сказал священник, и голос его был мягок и участлив. – Почему вы ушли, ничего никому не сказав? Я приказал бы слуге сопровождать вас. Где вы были?

Хотя священник говорил доброжелательно, Хоити ответил уклончиво:

– Простите меня, мой дорогой друг. Я должен был отлучиться по частному делу. Увы, у меня не нашлось иного времени для этого.

Настоятель был скорее удивлен, нежели обижен и раздосадован уклончивостью Хоити. Он чувствовал – что-то здесь не так. Он боялся, что слепого музыканта околдовали, и был склонен винить в этом злых духов. Более он не задавал вопросов, но приказал слугам наблюдать за передвижениями Хоити и проследить за ним в том случае, если он оставит храм после наступления темноты.

На следующую ночь Хоити вновь покинул храм. Слуги заметили, как он выходит, зажгли фонари и бросились вдогонку. Ночь была очень темной и дождливой, и слуги потеряли музыканта. Очевидно, что он шел очень быстро, и это было странно, учитывая, что Хоити слеп, а дорога была мокрой и скользкой. Тем не менее он исчез, и слуги принялись заходить в каждый дом вдоль дороги, в который мог зайти слепой музыкант. Но поиски ничего не дали – никто не видел Хоити. Обратно в храм слуги возвращались вдоль берега моря. И вот на пути они услышали звуки бивы – кто-то играл на инструменте, и играл так красиво, виртуозно и самозабвенно, что люди были поражены. Звуки музыки доносились с кладбища. Как всегда по ночам, там сияли зловещие призрачные огни, и обычно все боялись туда ходить. Но слуг было много, и они решились приблизиться. Они освещали фонарями путь и в конце концов обнаружили Хоити. Он сидел у могилы императора Антоку Тэнно и, полностью погрузившись в игру, пел о сражении при Дан-но-ура, аккомпанируя на своем инструменте. Перед ним, и позади него, и сбоку, и слева, и справа, и повсюду вокруг горели огни они-би – призрачные огни мертвых, и было их так много! Никто из слуг никогда – ни прежде, ни потом – не видел их столько. Поразительно было и то, что они обычно исчезали при приближении живого человека, но на этот раз они горели и не гасли.

Слуги схватили и принялись трясти Хоити. Но он, казалось, не замечал их и продолжал играть. Они кричали ему прямо в уши:

– Хоити-сан! Хоити-сан! Перестаньте! Пойдемте домой! Пойдемте с нами!

Наконец он ответил:

– Нельзя мне мешать! Я играю в присутствии августейших особ... Прервать исполнение сейчас было бы слишком невежливо...

Музыкант говорил странные вещи. Странные настолько, что слуги не могли сдерживать смех. Так, смеясь, они взяли Хоити под руки, подхватили за ноги и отнесли обратно домой. В храме по приказу настоятеля его прежде всего переодели – музыкант насквозь промок. После этого священник потребовал объяснений странного поведения своего друга.

Хоити долго не решался начать говорить. Но затем, видя искреннее расположение и спокойствие своего покровителя, решился и рассказал обо всем без утайки, начиная с первого визита самурая.

Выслушав рассказ, священник сказал:

– Несчастный мой друг! Вы находитесь в очень большой опасности! Как жаль, что вы не рассказали мне обо всем, что с вами случилось, сразу! Ваши поразительные музыкальные и поэтические таланты вовлекли вас в сложную и весьма необычную ситуацию. Прежде всего вы должны знать, что не было ни дворца, ни приема августейшей особы, – все ночи вы проводили на кладбище, среди могильных камней и плит, передobeliskом императора Антоку Тэнно. Мои люди там вас и обнаружили – вы играли и пели под проливным дождем. Все, что вам почудилось, было лишь видением. Все, кроме того, что вас действительно призывали мертвые. Но помните: однажды подчинившись им, вы оказались в их власти. После того, что произошло,

они не оставят вас в живых. Даже если вы вновь пойдете с ними на кладбище, обратно вам не вернуться – мертвые разорвут вас в клочья. Но, к слову сказать, они все равно погубили бы вас рано или поздно – смерти вам было не избежать. А сегодня ночью я опять не смогу быть рядом с вами – меня вновь призывают дела духовные. Поэтому прежде, чем уйду, необходимо будет защитить ваше тело, начертав на нем святые письмена и заклинания.

Перед закатом солнца священник и служка раздели Хоити донага и при помощи туши и кисточек для письма расписали все его тело. Они нанесли священные заклинания против духов умерших всюду, где только смогли: на груди, лице и шее, на спине, на руках и ногах – даже подошвы ног они украсили письменами. Когда дело было сделано, настоятель дал Хоити последние наставления:

– Сегодня вечером, после захода солнца, как только я уйду, оставайтесь на веранде и ждите. За вами придут и станут окликать по имени. Не отвечайте и не двигайтесь, что бы ни случилось. Сидите не шелохнувшись – словно вы погрузились в глубокие раздумья. Если вы пошевелитесь, вас уничтожат. Не пугайтесь и не пытайтесь звать на помощь – никто и ничто не может вас спасти. Но если вы все сделаете в точности так, как я сказал, опасность минует и больше вам нечего будет бояться. Духи мертвых уйдут.

Вскоре, по наступлении темноты, священник и его помощник ушли, а Хоити, согласно наставлениям, остался на веранде. Он положил свой инструмент рядом, а сам погрузился в ожидание. Насколько мог, он расслабился и сидел неподвижно, стараясь не производить никакого шума, – он даже дышал неглубоко.

Много часов прошло, и уже давно минула полночь, когда он услышал тяжелые шаги. Вот открылись ворота, некто прошел через сад и поднялся на веранду, где сидел музыкант.

– Хоити! – грубо и отчетливо прозвучал в ночи голос.

Но слепой не ответил. Он сидел очень тихо, не шевелясь, и даже затаил дыхание.

– Хоити! – раздался мрачный голос во второй раз.

– Хоити!!! – подобно раскату грома прогремел в тишине страшный голос.

Хоити словно окаменел.

Тогда голос озадаченно произнес:

– Не отвечает... Нет, так не должно быть... Где же он? Надо найти...

Тяжелые шаги, от которых веранда пошла ходуном, звучали все ближе и ближе к несчастному певцу. Вот они стихли: некто стоял совсем рядом. Долго тянулись минуты. Хоити казалось, что у него так сильно бьется сердце, что от каждого удара содрогается все тело. Повисла мертвая тишина.

Наконец тот же грубый голос произнес совсем-совсем близко:

– Странно. Вот бива – его инструмент... Но самого музыканта не вижу! Вижу только два его уха! Понятно, почему он не отвечал, – у него нет рта! Вообще ничего нет, кроме ушей! Возьму их – отнесу моему господину... Господин увидит, что хотя бы часть его приказания выполнена, и не будет сильно гневаться на своего слугу...

В тот же момент Хоити почувствовал, как железные пальцы сомкнулись на ушах, потянули и вырвали их... Боль была чудовищной, но Хоити не закричал, не издал ни малейшего звука и стога. Лишь на мгновение потерял сознание от боли. А когда очнулся, тяжелые шаги уже удалялись – сначала по настилу веранды, затем неизвестный спустился в сад, прошел по саду, потом со скрипом отворились ворота, и... звук шагов стих – словно растворился в ночи. Слепой чувствовал, как из ран и слева, и справа, по щекам, а затем вниз по шее, густыми теплыми волнами стекает кровь, но не решался даже пошевелить рукой...

Перед самым восходом солнца, когда еще не рассвело – тьма лишь только поредела, – вернулся настоятель. Не медля ни минуты, он поспешил к веранде, поднялся на нее и едва не упал, ступив во что-то липкое и скользкое. Осветив фонарем то место, где поскользнулся, он вскрикнул от ужаса – веранда была залита уже загустевшей кровью. Через мгновение он

заметил Хоити и направил свет фонаря на своего друга. Тот сидел совершенно неподвижно, будто пребывал в глубокой задумчивости, лишь кровь потихоньку сочилась из его ран.

– О! Бедный мой Хоити! – вскричал священник. – Что такое? Вы ранены?

Звук знакомого голоса дал наконец бедному музыканту возможность ощутить себя в безопасности. Он разразился рыданиями и, захлебываясь слезами, рассказал о том, что произошло ночью.

– Бедный, бедный Хоити! – горестно вздохнул священник, выслушав рассказ своего друга о ночных событиях. – Это я виноват! Я допустил эту ужасную ошибку! Повсюду на вашем теле были нанесены священные надписи, которые мешают мертвецам разглядеть живого. Везде – кроме ушей. Я доверился слуге и не проверил его работу! Это очень, очень неправильно и непростительно! Но что сделано, то сделано: теперь горю ничем не поможешь! Единственное, что мы можем сделать сейчас, – побыстрее обработать раны... Не унывайте, мой друг! Выше голову! Опасность теперь позади. Эти страшные духи больше не будут беспокоить вас – они ушли навсегда!

Правильно подобранное лечение под наблюдением хорошего доктора сделало свое дело: Хоити быстро оправился от ран. История о его необычном приключении распространилась широко и далеко, и вскоре его имя сделалось знаменитым. Много людей благородного происхождения стали приезжать в храм, чтобы послушать его игру и пение. Ему дарили дорогие подарки, давали деньги, и скоро он стал богатым. Но если прежде все его звали просто Хоити, то теперь за ним прочно закрепилось прозвище Хоити безухий.

Осидори

4

Жил да был птицелов и охотник по имени Сондзё. Он обитал в провинции Муцу, в местечке под названием Тамура-но-Го. Однажды он пошел на охоту, но ничего не добыл. Но когда он возвращался домой, в местечке под названием Аканума он заприметил пару мандариновых уток, которых в Японии называют осидори. Они плавали в протоке, через которую ему нужно было переправиться. Убить осидори считается плохим поступком. Но Сондзё был так голоден, что выстрелил по уткам. Его стрела угодила в селезня. Вторая утка в панике рванулась к дальнему берегу и исчезла из виду, скрывшись в зарослях камыша. Сондзё подобрал мертвую птицу, отнес ее домой и там съел ее.

Ночью Сондзё приснился ужасный сон. Ему снилось, что в его комнату вошла очень красивая женщина, приблизилась к изголовью его кровати и зарыдала. Так горько она плакала, что Сондзё чувствовал, что сердце его буквально разрывается на части. А женщина взывала к нему:

– Почему? О, почему вы убили его? В чем он так виноват, что заслужил смерти? В Акануме мы были так счастливы вместе – а вы убили его!.. Чем он так обидел вас? Вы не можете себе вообразить, что вы наделали!.. О! Знаете ли вы, насколько жестоко, насколько чудовищно то, что вы учинили?.. Меня вы тоже должны убить – я не смогу жить без моего мужа!.. И пришла я только для того, чтобы сказать вам об этом...

Произнеся эти слова, она вновь зарыдала, и так горько, что звук ее голоса проник в самую душу Сондзё – пронизал его до мозга костей. А потом сквозь стенания он расслышал стихи:

Хи курурэба

Сасоэси моно о.
Аканума но
Макомо но курэ но
Хитори-нэ дзо уки!

На закате я позвала его быть со мной.
Теперь мне проводить ночи в одиночестве в камышах
Аканумы.
Ах! Скорбь моя невыразима!

Стихи прозвучали, и она воскликнула:

– Ах! Вы не знаете – вы не можете знать, что вы сотворили! Но завтра, когда вы придете в Акануму, вы увидите, вы увидите...

Произнеся эти слова, она вновь жалобно заплакала и ушла прочь.

Когда на следующее утро Сондзё пробудился ото сна, видение это оставалось в его памяти настолько живым и ярким, что он встревожился. Он вспомнил слова: «Но завтра, когда вы придете в Акануму, вы увидите, вы увидите...» И он решил отправиться в Акануму не мешкая – так ему хотелось узнать, что такое был его сон – просто видение или нечто большее.

⁴ *Осидори* – мандариновая утка. С древнейших времен эти птицы в Японии и Китае почитаются как символ супружеской верности.

Он отправился в Акануму, и там, когда пришел на берег реки, он увидел утку-осидори, которая в одиночестве грациозно скользила по поверхности воды. В то же мгновение и птица заметила Сондзё. Но вместо того чтобы спастись бегством и скрыться, она поплыла прямо к нему. И пока она плыла, взгляд ее был устремлен на Сондзё. А затем она подняла клюв, с силой ударила им себя в грудь и умерла на глазах охотника...

Сондзё обрил голову и стал монахом.

История О-Тэи

Много лет назад в городе Ниигата, в провинции Этидзэн, жил один человек, которого звали Нагао Тёсэй. Нагао был сыном врача и сам обучался этой профессии. Когда он был еще совсем маленьким, его обручили с девочкой по имени О-Тэи, дочерью одного из друзей отца. Обе семьи условились, что свадебная церемония состоится, как только Нагао закончит свою учебу.

О-Тэи с детства отличалась очень слабым здоровьем. Едва ей исполнилось пятнадцать лет, она заболела, и болезнь ее оказалась смертельной. Великое беспокойство поселилось в душе девушки, когда она узнала, что должна умереть, и О-Тэи послала за Нагао, чтобы попрощаться с ним. Когда он пришел и, преклонив колени, встал у изголовья ее постели, она сказала ему:

– Нагао-сама⁵, мой нареченный, мы были предназначены друг другу с детства. И должны были стать мужем и женой еще до конца этого года. Но сейчас я умираю... Боги знают, что так будет лучше для нас обоих: даже если бы я прожила на несколько лет дольше, это лишь умножило бы мои страдания и скорбь моих близких. И вам я не смогла бы стать хорошей женой: моя болезненность, слабость моего тела, воспрепятствовала бы этому. Поэтому даже само желание жить для того, чтобы быть с вами, – слишком эгоистично. Я просто уступаю смерти. И прошу вас не предаваться скорби... Более того, хочу вам сказать – мы встретимся снова...

– Конечно, мы обязательно встретимся вновь, – отвечал Нагао искренне. – На небесах нас не коснется боль разлуки.

– Нет-нет, – отвечала она мягко. – Я говорю не о небесах, не о загробной жизни. Я верю, что судьба распорядилась так, что мы встретимся снова в *этом* мире, хотя я умру и завтра состоится погребальная церемония.

Нагао смотрел на нее в изумлении и в ответ на свое удивление увидел нежную улыбку в ее глазах. Она продолжала свою речь все тем же едва слышным мягким голосом:

– Да, я подразумеваю *этот* мир – в вашей теперешней жизни, Нагао-сама... Разумеется, если вы сами этого пожелаете. Лишь одно еще необходимо, чтобы встреча наша состоялась: я должна вновь появиться на свет, родиться девочкой и достичь возраста женщины. Так что вам придется подождать... Пятнадцать-шестнадцать лет – долгий срок... Но, мой нареченный супруг, ведь вам еще только девятнадцать...

Движимый состраданием облегчить ее переход в мир иной, он отвечал нежно:

– Ждать тебя, моя нареченная, не обязанность, а радость для меня. Мы обещаны друг другу на семь жизней вперед.

– Но в твоём голосе я слышу сомнение, – произнесла она, вглядываясь в его лицо.

– Моя дорогая, – отвечал он, – моя неуверенность происходит оттого, что я не ведаю, как я узнаю вас: в ином обличье, под другим именем – если вы только не подадите какой-нибудь знак, не известите меня...

– Мне неизвестно это, – отвечала она. – Только боги и Великий Будда знают, как и где мы встретимся вновь. Но я знаю – я точно-точно знаю: если вы сохраните в себе желание встретить меня, я смогу вернуться к вам назад... Запомните мои слова...

Она замолчала, веки ее сомкнулись. Она умерла.

Нагао был искренне привязан к О-Тэи, и скорбь его была глубока. Он изготовил поминальный знак любимой и начертал на нем *дзокумё* – иероглиф О-Тэи, поместил в домашний

⁵ Сама – суффикс, выражающий почтительность. Его прибавляют к личным именам.

алтарь и каждый день возносил перед ним молитвы. Он много размышлял о странных вещах, о которых говорила О-Тэи перед смертью, и в надежде умиротворить ее душу на специальном свитке написал тушью торжественное обещание жениться на ней, если она вернется к нему в ином человеческом обличье. Этот свиток он вложил в специальный футляр и запечатал его личной печатью, а затем поместил и его в домашний алтарь – туда же, где хранился поминальный знак О-Тэи.

Тем не менее, поскольку Нагао был единственным сыном в семье, он должен был жениться. Несмотря на внутреннее сопротивление, он постепенно поддавался на уговоры семьи и наконец согласился взять в жены девушку, которую выбрал для него отец. После женитьбы он по-прежнему продолжал молиться у своего домашнего алтаря, где был скрыт поминальный знак О-Тэи, и всегда вспоминал ее с благоговением. Но черты ее образа постепенно тускнели в его памяти – как ночное видение, детали которого утрачиваются при пробуждении. И годы шли.

За эти годы многие несчастья обрушились на него. Умерли его родители. Умерла жена, и единственный его ребенок тоже умер. И так он оказался совсем один. Он возненавидел свой дом и отправился в длительное путешествие в надежде забыть о своих горестях.

Однажды, путешествуя, он очутился в Икао – маленькой горной деревушке, которая и поныне славится своими горячими источниками и поразительной красоты видами окрестностей. В деревенской гостинице, в которой он остановился, за ним ухаживала девушка-служанка. Едва увидев ее лицо, он почувствовал, как забилося его сердце – никогда прежде оно так сильно не билось. Загадочным образом она внешне так напомнила О-Тэи, что он даже ущипнул себя, чтобы удостовериться, что это не сон. Она вошла, приблизилась, развела огонь и сервировала стол, приготовила комнату для гостя и расстелила постель – каждый ее жест, каждое движение будили в нем память о девушке, которую он так любил в молодости. Нагао заговорил с ней, и она ответила ему мягким, чистым голосом, тембр и интонации которого наполнили его горькой печалью об ушедших днях.

Пораженный этим, обращаясь к ней, он спросил:

– Старшая сестра⁶, вы так похожи на одну особу, которую я знал много лет назад... Когда вы вошли в комнату, я до глубины души был поражен этим обстоятельством. Не считите мой вопрос за оскорбление, но прошу вас, ответьте мне – откуда вы родом и как вас зовут?

Ответ прозвучал немедленно. И голос, без сомнения, был голосом умершей девушки – в этом он не мог ошибиться.

– Меня зовут О-Тэи, а вы Нагао Тёсэй из Этиго – мой нареченный супруг. Семнадцать лет назад я умерла в Ниигате. А потом вы начертали слова священной клятвы на свитке бумаги, что непременно женитесь на мне, если я когда-нибудь вернусь в этот мир в женском обличье. И вы скрепили этот свиток собственной печатью и поместили его в домашний алтарь подле поминального знака с начертанным на нем моим именем. И поэтому я вернулась...

Едва она произнесла эти слова, как тут же лишилась чувств и упала без памяти.

Нагао женился на ней, и союз этот был счастлив. Но никогда после она не могла припомнить, что ответила ему на его вопрос, заданный в Икао. Не помнила она ничего, что касалось и ее прежней жизни: память о прошлом рождении, загадочным образом осветившая ее сознание в момент встречи в Икао, мгновенно исчезла и более никогда не возвращалась.

⁶ *Старшая сестра* – традиционная японская разговорная форма при обращении к молодой незамужней женщине.

Сакура кормилицы

Триста лет назад в деревне под названием Асамимура, что располагалась в префектуре Онсэнгори в провинции Иё, жил один добрый человек. Звали его Токубэй. Этот Токубэй считался самым богатым человеком в округе, да к тому же исполнял обязанности *мураоса* – то есть старосты своей деревни. Он был успешен во всех своих начинаниях, но ему уже сравнялось сорок лет, а он все еще не познал радости отцовства.

И он, и его жена очень печалились, что в семье нет детей, и неустанно молились, чтобы у них появился ребенок, вознося бесчисленные молитвы святому Фудо Мё О, которого особенно почитали в округе и чей знаменитый храм – Сайходзи, как известно, находился в Асамимуре.

Наконец молитвы были услышаны: жена Токубэя родила дочь. Девочка была очень милой и пригожей, ее называли О-Цуи. Поскольку материнского молока малышке не хватало, для нее наняли кормилицу по имени О-Содэ.

О-Цуи выросла и превратилась в очень красивую девушку. Но когда ей сравнялось пятнадцать лет, она внезапно тяжело заболела. Доктора, посоветовавшись, пришли к выводу, что шансов на выздоровление у нее нет: О-Цуи умирает. В это время О-Содэ, которая хотя и была всего лишь кормилицей, но любила О-Цуи глубокой материнской любовью, отправилась в храм Сайходзи и горячо молилась там о выздоровлении девочки. Каждый день – двадцать один день кряду – она шла в храм и самозабвенно молилась. На двадцать первый день О-Цуи внезапно и совершенно выздоровела.

И тогда все сразу же переменялось в доме Токубэя: он собрал всех своих друзей и устроил большой праздник по поводу чудесного события. Однако ночью, в самый разгар праздника, кормилица девушки внезапно заболела. На следующее утро доктор, которого пригласили лечить ее, объявил, что она умирает.

Вся семья в великой скорби собралась вокруг постели О-Содэ, чтобы проститься с ней. И тогда она сказала, обращаясь ко всем:

– Настало время рассказать вам о том, чего вы не знаете. Я молила святого в храме о том, чтобы он даровал мне возможность умереть вместо О-Цуи. Моя молитва была услышана, и эта великая милость была мне оказана. Поэтому вы не должны предаваться скорби по поводу моей кончины... Но у меня есть одна просьба... Я дала обещание святому посадить вишневое дерево в саду храма Сайходзи – это будет и память о свершившемся чуде, и моя благодарность святому... Увы, я не могу посадить дерево сама, поэтому я прошу вас исполнить за меня обет... Прощайте, дорогие друзья, и помните, что я была счастлива умереть во спасение О-Цуи.

После похорон О-Содэ молодое вишневое дерево – самое лучшее, какое только могли отыскать, – было посажено в саду храма Сайходзи родителями О-Цуи.

Деревце хорошо прижилось, росло и развивалось, и на шестнадцатый день второго месяца следующего года – в годовщину смерти О-Содэ – чудесным образом зацвело. И оно продолжало цвести двести лет и еще пятьдесят четыре. И цветение его начиналось всегда в одно и то же время – на шестнадцатый день второго месяца в году. А цветы дерева – белорозовые, крупные, налитые – напоминали соски женской груди, наполненной молоком. И люди называли это дерево *убадзакура* – сакура кормилицы.

Искусство дипломатии

Было определено, что казнь состоится в саду *ясики*⁷. Поскольку решение было принято, человека привели в сад и заставили преклонить колени. Он встал на колени, где ему было указано – на широкой, покрытой мелкой галькой площадке, лицом к дорожке из плоских камней. Японцы называют их *тоби-иси*. Прежде они широко использовались в традиционных японских ландшафтных садах (да и сейчас кое-где их можно встретить): тоби-иси выкладывались якобы в беспорядке, но на них было удобно ступать, гуляя по саду. Руки приговоренного были заведены за спину и крепко стянуты. Слуги принесли в ведрах воды и сумки, которые обычно служат для переноски риса, но теперь они были наполнены галькой. Сумки плотным кольцом уложили вокруг обреченного на смерть так, чтобы он не мог пошевелиться. Вскоре пришел и сам хозяин поместья, желая убедиться, что все его указания выполняются надлежащим образом. Он не сделал никаких замечаний: вероятно, увиденное удовлетворило его. Внезапно приговоренный закричал:

– Досточтимый господин! Преступление, за которое я осужден, совершено неумышленно! Я сделал ужасную ошибку... Во всем виновата моя великая глупость, и только!.. Я – дурак, дурак от рождения!.. Но причиной тому моя карма – я вечно во всем ошибаюсь!.. Но казнить человека только потому, что у него не хватает мозгов, неправильно и несправедливо! И за это вам обязательно придется заплатить. Я вижу, что моя казнь неизбежна, но столь же неизбежно мое отмщение – ваша жестокость обязательно вызовет месть... Ведь зло, как известно, всегда порождает зло...

Негодование, гнев, досада... Если осужденный в момент казни испытывает одну из этих эмоций, то его призрак обязательно вернется, чтобы отомстить убийце и его сообщникам. Самурай знал об этом. Он ответил очень мягко, почти нежно:

– Вы можете пугать нас сколько угодно, мы не станем мешать вам – пугайте, – но только после смерти. Однако, должен вам заметить, трудно поверить, что вы знаете, о чем говорите. Может быть, вы попытаетесь подать нам некий знак – естественно, после того, как вам отрубят голову, – знак того, что вы действительно сильно негодуете?

– Конечно, я это сделаю, – ответил человек.

– Замечательно, – произнес самурай, вытягивая свой длинный меч из ножен. – Теперь я собираюсь отсечь вам голову. Прямо перед вами, как видите, лежит камень – небольшая каменная плита из тех, по которым мы ступаем, гуляя по саду. После того как я отрублю вашу голову, попытайтесь сдвинуть камень в сторону. Вы уже будете мертвы, следовательно, ваш разгневанный призрак сможет помочь сделать это. Если вам это удастся, многих из нас вы сможете по-настоящему напугать. Ну, вы попытаетесь сдвинуть камень?

– Я сделаю это! – в гневе вскричал приговоренный. – Я сдвину камень! Я сдвину ка...

Это было последнее, что он успел сказать. Лезвие меча вспыхнуло, описав полукруг, раздался глухой, с едва различимым хрустом звук: тело с руками, связанными за спиной, безвольно склонилось на тугие мешки, две мощные густые кровавые струи хлынули из шеи, а отрубленная голова покатилась по гальке. Она тяжело катилась в сторону каменной плиты, а потом, упершись в нее, вдруг вцепилась зубами в ее край и дернула в сторону. Камень сдвинулся...

Никто не проронил ни слова, но слуги в ужасе смотрели на своего хозяина. Тот, казалось, выглядел совершенно беззаботным. Он только протянул окровавленный меч ближайшему от себя слуге. Слуга принялся поливать лезвие водой из деревянного черпака, затем вытер клинок листами мягкой бумаги... Данным ритуалом церемониальная часть инцидента была исчерпана.

⁷ *Ясики* – городская усадьба самурая высокого ранга; букв. «усадьба в доспехах», «укрепленная усадьба».

На протяжении многих месяцев после события слуги и домочадцы пребывали в постоянном страхе и ожидании появления мстительного привидения. Никто из них даже и не сомневался, что обещанная месть случится. Постоянный ужас, в котором они пребывали, заставлял их видеть и слышать то, чего на самом деле не было. Они пугались дыхания ветра в бамбуковых зарослях, колеблющихся теней в саду. Наконец, переговорив между собой, они решили подать прошение хозяину, чтобы тот заказал в буддийском храме торжественную службу *сэгаки* за упокой казненного, чтобы душа его отказалась от мести.

– В этом нет необходимости, – сказал самурай, когда старший из слуг высказал общее пожелание. – Я понимаю, что данное умирающим обещание отомстить после смерти может стать причиной вашего страха. Но у вас нет необходимости бояться чего-либо.

Старый слуга посмотрел на хозяина в благоговейном ужасе, но все-таки нашел в себе силы спросить его о причине такой уверенности.

– О, причина довольно проста, – ответил самурай. – Как известно, только самое последнее намерение умирающего действительно несет в себе опасность. И когда я бросил ему вызов, потребовав явить мне знак, я отвратил его от желания отомстить. Он умер, охваченный одним желанием – сдвинуть камень, и ничего больше. Все остальное он неизбежно должен был забыть... Так что у вас вовсе нет необходимости и дальше беспокоиться по этому поводу.

И действительно, никого больше мертвец не беспокоил. И вообще ничего не случилось.

О зеркале и колоколе

Восемьсот лет назад монахи Мугэнъямы в провинции Тотоми решили отлить большой колокол для своего храма. Они попросили женщин из их прихода помочь им и принести старые бронзовые зеркала, которые пойдут на изготовление колокола.

Даже сейчас во дворах некоторых японских храмов можно увидеть груды старых бронзовых зеркал, собираемых для этой цели. Больше всего этих предметов я увидел во дворе храма секты Дзёдо в Хаката, что в провинции Киуси: там бронзовые зеркала собирали, чтобы отлить бронзовую статую богини Амида⁸ высотой в тридцать три фута.

В то время в Мугэнъяме жила молодая женщина, жена одного крестьянина. Она тоже принесла свое бронзовое зеркало для колокола. Но потом стала сильно жалеть об этом. Она припомнила, что мама говорила ей об этом зеркале. Еще она вспомнила, что оно принадлежало не только ее матери, но и матери ее матери, а у той была еще бабушка, которая тоже владела этим зеркалом. А еще она думала о том, сколько счастливых улыбок отразило это зеркало. Конечно, если бы она могла предложить монахам соответствующую сумму денег вместо зеркала, она могла бы попросить у них свою реликвию обратно, но у нее не было этих денег. Всякий раз, когда она входила в храм, она видела свое зеркало – оно лежало за оградой во внутреннем дворе в гуще среди сотен других зеркал. Она узнала его по *сё-тику-бай* – символу счастья на обратной его стороне – тройному изображению: сосны, бамбука и пальмы, которые еще в детстве очаровали ее, когда мама впервые показала ей зеркало. Она выжидала случая, чтобы украсть зеркало, спрятать его и владеть им вечно. Но случая все не представлялось, и она стала чувствовать себя совершенно несчастной – ей казалось, что по глупости она отдала часть своей жизни. Она много размышляла над старым изречением, гласившим, что зеркало – это душа женщины (это изречение, имеющее мистический смысл и соответствующее древнему китайскому представлению о душе, начертано на обратной стороне многих бронзовых зеркал). Рассказать же о своих страданиях она не отважилась никому.

Когда все зеркала, пожертвованные на храмовый колокол, были отправлены в литейную мастерскую, мастера обнаружили, что одно зеркало не плавится. Несколько раз они пытались расплавить его, но зеркало не поддавалось. Стало понятно, что женщина, которая пожертвовала его храму, сожалела о своем даре. Он не был искренним, и потому ее эгоистичная душа, заключенная в зеркале, сохраняла его холодным и твердым даже в огне горна.

Конечно, каждый узнал об этом, а вскоре всем стало известно и имя той, кому принадлежало зеркало, не желавшее плавиться. И поскольку ее тайное преступление стало достоянием публики, женщина испытывала глубокий стыд и озлобилась. Она не смогла снести позора и утопилась, оставив прощальное письмо следующего содержания: «Когда я умру, расплавить зеркало и отлить колокол не составит труда. Но тому, кто, звоня в колокол, сумеет расколоть его, мой призрак подарит большое богатство».

Как известно, последнее желание или обещание того, кто умирает в гневе или в гнев совершает самоубийство, обладает сверхъестественной силой. После смерти женщины, когда зеркало расплавилось, а колокол успешно отлили, люди вспомнили слова предсмертного послания. Они преисполнились веры, что дух ее дарует богатство тому, кто сумеет расколоть колокол, и как только его установили во дворе храма, люди стали во множестве приходить и звонить в него. Из всех сил они раскачивали язык колокола, но колокол был сработан на совесть и доблестно противостоял попыткам расколоть его. Люди не отступали. День за днем, в любой час они продолжали неистово звонить в колокол, нимало не считаясь с увещеваниями мона-

⁸ Амида – одна из инкарнаций Будды.

хов. Этот звон превратился в подлинное бедствие, и монахи не могли выносить его. Они сняли колокол и сбросили в болото. Болото было глубоким и поглотило колокол. Осталась только легенда, и в этой легенде колокол называется *Мугэн-но-канэ*, или колокол Мугэна.

До настоящего времени в Японии бытуют весьма необычные древние верования в магическую силу некоего умственного напряжения, заключенного в глаголе *надзораэру*. Само слово не поддается адекватному переводу; оно используется как в связи со многими действиями практической магии, так и для исполнения множества религиозных ритуалов. Обычное значение глагола *надзораэру*, зафиксированное в словарях, – «имитировать», «уподоблять», «делать похожим», но в эзотерическом смысле имеет значение «заменять в воображении один объект или действие другим для достижения магического или сверхъестественного результата».

Например, вы не в состоянии самостоятельно возвести храм в честь Будды, но вы легко можете положить камень перед изображением Будды с тем же самым глубоким набожным чувством, с каким вы могли выстроить храм в его честь, если были бы достаточно богаты. Ценность пожертвования камня становится равной или почти равной строительству храма... Вы физически не в состоянии прочесть все шесть тысяч семьсот семьдесят один том священных буддистских текстов, но вы можете рукой вращать священные барабаны, на которых вырезаны эти тексты, – и если вы заставляете их вращаться с искренним и глубоким чувством, с коим вы бы читали все шесть тысяч семьсот семьдесят один том, – сей акт обладает адекватной ценностью. Примерно таким образом можно объяснить религиозный смысл глагола *надзораэру*.

Магический смысл его значения не всегда возможно объяснить, не привлекая большого количества примеров в качестве иллюстрации, но для нашей цели ограничимся несколькими. Например, вы изготовили маленькую человеческую фигурку из соломы и прибили ее гвоздем длиной не менее пяти дюймов⁹ к дереву в храмовой роще в час Быка¹⁰. И если человек, символическим воплощением которого является эта фигурка, умрет в страшных мучениях, это и будет один из воплощенных смыслов глагола *надзораэру*. Или, предположим, ночью в ваш дом проник грабитель и вынес ценности. Если вы сможете обнаружить его следы в вашем саду и затем разжечь по большому костру на каждом из них, ступни ног грабителя воспламенятся и он не будет иметь покоя, пока не предаст себя в руки того, кого он ограбил. Вот вам другой – магический – смысл значения этого глагола. Третий смысл иллюстрируют легенды о Мугэн-но-канэ.

После того как колокол оказался в болоте, шансов расколоть его, понятное дело, больше не осталось. Но остались те, кто надеялся при помощи только что упомянутого мистического инструментария расколоть его и таким образом упокоить душу владелицы зеркала, которой он принес так много горя. Одной из них была женщина по имени Умэгэ. Ее имя увековечено в одной японской легенде благодаря отношениям, что связывали ее с Кадзиварой Кагасуэ – знаменитым воителем из клана Хэйкэ. Однажды, когда пара путешествовала, Кадзиваре срочно потребовались деньги. Умэгэ, вспомнив о колоколе Мугэна, взяла бронзовую чашу и, мысленно вообразив, что перед ней легендарный колокол, принялась наносить удар за ударом (при этом она громко молила о ниспослании трехсот золотых монет). Один из гостей того постоялого двора, где остановилась пара, поинтересовался о причине ужасного грохота и крика, а когда ему пересказали печальную историю, дал Умэгэ триста золотых рё¹¹. Позднее сочинили песню об Умэгэ и ее бронзовой вазе. Под нее танцуют девушки и поют эту песню до сих пор:

⁹ Примерно 13 см.

¹⁰ Между часом и тремя часами ночи.

¹¹ Рё – денежная единица в средневековой Японии.

Умэгаэ-но тёдзубати
Татайтэ О-канэ га дэру нараба
Мина-сан миукэ о
Сорэ таномимас.

Эти строки можно перевести так:

Если бы, разбив умывальный таз Умэгэ,
Я смогла раздобыть денег,
То могла бы поторговаться
За свободу всех своих подруг.

После того, что случилось, известность *Мугэн-но-канэ* стала настолько велика, что многие люди двинулись по стопам Умэгэ в надежде повторить ее успех. Среди этих людей был, например, один пьяница, живший неподалеку от Мугэньямы, на берегу Оигавы. Промотав свое имущество в беспутстве, он накопил глины в своем саду и изготовил из нее колокол Мугэн-но-канэ, а затем, громко прося о ниспослании ему богатства, ударил по нему и расколол его.

Тогда, гласит легенда, земля разверзлась, и из нее возникла фигура простоволосой женщины, одетой в белые одежды. В руках она держала закрытый кувшин. Женщина сказала: «Я пришла дать ответ на твою пламенную молитву – как ты этого заслуживаешь. Возьми этот кувшин». Сказав это, она вложила сосуд мужчине в руки и исчезла.

Обрадованный, тот вбежал в дом и сообщил жене неожиданную весть. Он поставил кувшин – тот был очень тяжелым – на пол. Они открыли его. По самое горлышко он был наполнен...

Но – нет!.. Я не смею вам сказать, чем он был наполнен.

История о гоблине, поедавшем людей

Однажды Мусо Кокуси – буддийский монах из секты дзен, странствуя в одиночестве по провинции Мино, заблудился в горах. Вокруг не было никого, кто бы мог указать ему путь. Долгое время он скитался, тщетно надеясь встретить кого-нибудь, и начал уже отчаиваться найти пристанище на ночь, когда вдруг в лучах заходящего солнца заметил на вершине холма одну из тех уединенных хижин, которые называются *андзицу* и которые строились для монахов-отшельников. Похоже, она находилась в полуразрушенном состоянии, но он с энтузиазмом поспешил туда и обнаружил, что хижина обитаема и в ней живет пожилой монах. Он обратился к нему, прося оказать милость и позволить остаться на ночь. Старик резко отказал, но указал Мусо путь в деревню в расположенной по соседству долине – там он сможет найти и кров, и пищу.

Мусо добрался до поселения, в котором было не больше десятка строений. Здесь его встретили любезно и пригласили остановиться в доме у деревенского старосты. Когда Мусо вошел к тому в дом, то увидел, что в главном помещении собралось человек сорок или пятьдесят, но его отвели в маленькую отдельную комнату, куда тотчас принесли еду и расстелили постель. Утомленный, он лег спать рано, но незадолго до полуночи его разбудил громкий плач в помещении по соседству. Почти сразу после его пробуждения ширмы комнаты мягко раздвинулись, и юноша, неся зажженный фонарь, вошел к нему. Он вежливо поздоровался с ним и сказал:

– Досточтимый господин, моя печальная обязанность – сообщить вам, что я с сегодняшнего дня являюсь главой этого дома. Еще вчера я был только старшим сыном. Вы так устали, добираясь к нам, и мы подумали, что не должны беспокоить вас, поэтому не сказали, что всего за несколько часов до вашего прихода умер мой отец. Люди, которых вы видели в соседней комнате, – жители нашей деревни. Все они собрались, чтобы выказать последние знаки уважения усопшему. А теперь они уходят в соседнюю деревню – она примерно в трех милях отсюда. Когда кто-нибудь из жителей деревни умирает, никто из нас не может остаться в деревне на ночь – такова наша традиция. Мы совершаем все необходимые обряды, молимся, а затем уходим, оставляя труп в одиночестве. Странные вещи всегда происходят в доме, где было оставлено мертвое тело, поэтому мы считаем: для вас будет лучше, если вы уйдете с нами. Мы найдем для вас хорошее жилище в другой деревне. Однако, поскольку вы монах, вам, возможно, несвойствен страх перед демонами и злыми духами, и, если вы не боитесь остаться наедине с мертвым телом, можете пользоваться этим бедным домом. Но я должен сказать вам, что никто, кроме священнослужителя, не отважился бы остаться здесь на ночь.

Мусо ответил ему:

– Я глубоко признателен вам за добрые намерения и щедрое гостеприимство. Но мне жаль, что вы не сказали мне о смерти вашего отца, когда я пришел. Конечно, я устал, но не настолько, чтобы не выполнить обязанности, возлагаемые на меня саном священника. Если бы вы мне сообщили, я мог бы совершить службу и перед вашим уходом. Но поскольку все вышло так, а не иначе, то совершение обрядов состоится после того, как вы уйдете и я останусь с телом до утра. Я не знаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что оставаться здесь ночью опасно. Я не боюсь ни призраков, ни демонов, поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

Молодого человека, похоже, обрадовали эти уверения, и он подобающими к случаю словами выразил свою признательность. Затем другие члены семьи и люди, собравшиеся в соседней комнате, тоже зашли поблагодарить его. После этого хозяин дома сказал:

– Теперь, святой отец, мы должны попрощаться и оставить вас в одиночестве. По законам нашей деревни никто из нас не может оставаться здесь после полуночи. Мы просим вас, святой отец, позаботиться о себе самостоятельно, поскольку мы не можем этого сделать. И если вам

случится увидеть или услышать нечто странное в наше отсутствие, пожалуйста, сообщите нам об этом, когда мы вернемся утром.

Затем все оставили дом, кроме монаха, который отправился в комнату, где лежало тело покойного. Подле мертвого тела были расставлены обычные жертвы и горела традиционная буддийская лампа – *томио*. Монах совершил заупокойную службу и исполнил обряд погребения, после чего вошел в состояние медитации. В медитации он провел несколько безмолвных часов, и ни один посторонний звук не нарушил покой деревни. Но когда ночь вступила в самую глухую свою пору, в дом вошел Призрак – огромный, но лишенный формы. В то же мгновение Мусо ощутил, что не может ни заговорить, ни пошевелить рукой. Он видел, как Призрак, будто руками, поднимает тело и пожирает его – пожирает быстрее, чем кошка поедает мышь, – начиная с головы, съедает все: волосы, кости и даже саван. Затем чудовище, покончив с телом, оборачивается к жертвоприношениям и поедает их. После этого Призрак исчез так же загадочно, как и появился.

Когда на следующее утро деревенские жители вернулись, монах встретил их на пороге дома старосты. Все по очереди поздоровались с ним, но, войдя внутрь и осмотрев дом, нимало не удивились исчезновению тела и жертвоприношений. Лишь хозяин дома сказал Мусо:

– Святой отец, вы, верно, видели нечто неприятное ночью: мы все очень беспокоились о вас. Но теперь рады видеть вас живым и невредимым. Мы бы остались с вами, но это было невозможно. Обычай нашей деревни, как я говорил вам вчера вечером, обязывает нас покидать ее, если кто-нибудь из жителей умирает, и оставлять тело в одиночестве. Если мы когда-нибудь его нарушим, нас будут ожидать большие несчастья. Мы уходим, а когда возвращаемся, видим, что мертвое тело и все жертвоприношения исчезают. Может быть, вам ведома причина этого?

Тогда Мусо рассказал о лишенном формы ужасном Призраке, который вошел в комнату, пожрал сначала мертвое тело, а затем и жертвоприношения. Никто, казалось, не был поражен его рассказом, а хозяин дома заметил:

– То, о чем вы рассказали нам, святой отец, согласуется с тем, что говорится с древних времен.

Тогда Мусо спросил:

– А разве священник, который живет на холме, не справляет погребальные службы для ваших умерших?

– Какой священник? – спросил молодой человек.

– Тот самый, который вчера вечером направил меня в деревню, – отвечал Мусо. – Я просился переночевать в его хижине, но он отказался принять меня и показал, как добраться до вас.

Слушатели удивленно переглянулись, повисла пауза, а затем хозяин дома сказал:

– Святой отец, на холме нет никакой хижины, и там не живет священник. Уже много поколений в окрестностях нет священника.

Мусо ничего не сказал по этому поводу, а добрые люди подумали, что от встречи с гоблином у монаха помутился разум. Попрощавшись с хозяевами и получив все необходимые сведения о том, как ему идти дальше, Мусо решил вновь посетить ту хижину на холме, чтобы убедиться, не обманулся ли он на самом деле.

Он без труда обнаружил хижину на прежнем месте, и на этот раз ее престарелый обитатель пригласил путника к себе. Едва он вошел внутрь, отшельник пал перед ним ниц и воскликнул:

– О! Мне так стыдно! Мне очень стыдно! Мне ужасно стыдно!

– Вы не должны стыдиться, что отказали мне в ночлеге, – отвечал Мусо. – Вы направили меня в деревню, где меня очень хорошо встретили, и я благодарен вам за эту услугу.

– Я не могу дать убежище человеку, – отвечал отшельник, – и стыжусь я не потому, что вам отказал, а потому, что вы видели меня в моем истинном обличье. Это я на ваших гла-

зах поедал труп и жертвоприношения минувшей ночью. Знайте, господин, что я *дзикининки* – демон, поедающий человеческую плоть. Сжальтесь надо мной и разрешите поведать о тайном грехе, из-за которого я был ввергнут в это состояние. Много-много лет назад я исполнял обязанности священника в этом пустынном краю. На много миль в округе не было другого священника, кроме меня. В те времена тела умерших со всей округи приносили сюда – часто издалека, – чтобы я мог исполнить погребальную службу. Но я совершал обряды и службы только корысти ради. Я думал лишь о еде и одеждах, которые моя священная служба давала возможность заполучить. И когда я пережил новое рождение, то по причине своего неблагочестивого эгоизма я преобразился в *дзикининки*. С этих пор я должен был питаться трупами людей, которые умирали в округе: каждого я обязан был пожирать так, как вы могли видеть прошлой ночью. И вот теперь, досточтимый господин, я прошу вас совершить моление сэгаки, чтобы я поскорее смог освободиться от этого ужасного существования.

Едва только отшельник произнес последние слова, он исчез, и хижина его также исчезла вместе с ним. А Мусо обнаружил, что стоит на коленях в высокой траве и нет ни одной живой души вокруг. Взгляд его уперся в древнюю, поросшую мхом могилу, надгробный камень которой имеет форму *горин-но-иси* – то есть пяти лежащих друг на друге частей различной формы, символизирующих пять мистических элементов: эфир, воздух, огонь, воду и землю. Скорее всего, это и была могила священника.

Мудзина

Дорогу Акасака, в Токио, с двух сторон сжимает откос под названием *Кии-но-куни-но-дзака*, что означает «откос провинции Кии». Я не знаю, почему он называется откосом провинции Кии. С одной стороны он упирается в древний ров – очень широкий и глубокий, от которого вверх тянутся густые тенистые заросли; наверху их сменяют сады. С другой стороны дорогу теснит длинная высокая стена императорского дворца. До тех пор пока не пришла эра уличных фонарей, место это с наступлением темноты всегда было пустынно. Припозднившиеся пешеходы предпочитали сделать крюк в несколько миль, лишь бы не идти по этой дороге после заката.

Все потому, что здесь можно было встретить *мудзину* – барсука-оборотня, который, как известно, может принять человеческое обличье.

Последним человеком, который видел мудзину, был старый торговец из квартала Кайобаси. Он умер около тридцати лет назад. Вот что он рассказывал об этом случае.

Однажды вечером, было уже довольно поздно, он возвращался, поспешая, по дороге мимо Кии-но-куни-но-дзака и заметил женщину, которая сидела наодине в одиночестве и горько плакала. Он испугался, что она собирается утопиться, и остановился, чтобы предложить ей посильную помощь или просто утешить. Женщина, как он заметил, была высокая и стройная. Она была одета в красивые одежды, а волосы были уложены, как у молодой девушки из хорошей семьи.

– *О-дзётю!*¹² – воскликнул он, обращаясь к ней так, как и подобает обращаться к девушке из хорошей семьи. – *О-дзётю*, не плачьте так горько!.. Скажите мне, что вас так расстроило, и если есть средство помочь вам, я буду счастлив сделать это.

Он говорил совершенно искренне, поскольку был очень добрым человеком. Но она продолжала горько плакать, пряча от него лицо за длинным рукавом.

– *О-дзётю!* – произнес он снова, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче. – Пожалуйста, послушайте меня!.. Не подобает молодой девушке находиться ночью в таком месте! Умоляю вас – не плачьте! Только скажите, как я могу помочь вам?..

Она медленно поднялась, но развернулась к нему спиной и продолжала стонать и плакать, уткнувшись в рукав. Он мягко положил руку ей на плечо и взмолился:

– *О-дзётю! О-дзётю! О-дзётю!*.. Дайте мне хотя бы мгновение и выслушайте меня!.. *О-дзётю! О-дзётю!*

Тогда девушка повернулась к нему, опустила рукав и провела по лицу рукой – и он увидел, что у нее нет ни глаз, ни носа, ни рта. Он закричал и бросился прочь.

Он бежал и бежал по дороге вдоль Кии-но-куни-но-дзака, вокруг него была тьма, и никого кругом. А он все бежал и бежал, не отваживаясь оглянуться назад. Наконец вдалеке он увидел свет фонаря – тот был подобен отблеску жука-светлячка, вспыхнувшего в ночи, – и бросился к нему. Оказалось, это был всего лишь фонарь бродячего торговца горячей лапшой, который установил свою палатку на обочине дороги. Но любой свет и общество человека было как раз то, в чем старик сейчас нуждался. Поэтому он бросился торговцу в ноги и закричал:

– Ах!.. А-а!.. А-а!..

– *Корэ! Корэ!*¹³ – грубо прикрикнул на него торговец. – Прекрати! Что с тобой случилось? На тебя напали, ранили?

– Нет... никто меня не ранил, – задыхаясь, отвечал тот, – только... Ах!.. А-а!..

– Только напугали? – неприязненно произнес торговец. – Грабители?

¹² *О-дзётю* – «досточтимая девица». Традиционное японское обращение к молодой незнакомой женщине.

¹³ *Корэ!* – восклицание, показывающее, что ваш собеседник раздражен.

– Нет, не грабители, не грабители, – выдохнул испуганный старик. – Я видел... я видел женщину... подле рва... и она показала мне... Ах! Не могу сказать, что она показала!..

– Хэ!¹⁴ Она показала!.. Поди, нечто похожее на ЭТО?.. – произнес торговец лапшой и провел рукой по лицу. Оно стало похоже на яйцо – ни глаз, ни носа, ни рта.

И в тот же момент свет для несчастного померк.

¹⁴ Хэ! – Хорошо!

Рокуро-куби

Около пятисот лет тому назад жил самурай по имени Исогай Хэйдадзаэмон Такэцура. Он был вассалом владельца Кикудзи из Кюсю. Этот Исогай от многочисленных своих воинственных предков унаследовал врожденный талант к военному делу и поразительную физическую силу. Уже мальчиком он превзошел своих учителей в искусстве владения мечом и копьем, в стрельбе из лука и проявил себя смелым и искусным солдатом. Впоследствии, в эпоху войн Эйкё (первая половина пятнадцатого века), он отличился и был удостоен множества почестей. Но дом Кикудзи пришел в упадок, и Исогай лишился хозяина. Конечно, он легко мог наняться на службу к другому даймё, но, поскольку он никогда не искал выгоды для себя лично и сердце его навсегда осталось верным прежнему сюзерену, он предпочел порвать с мирской жизнью. Поэтому он обрел волосы, принял буддийское имя Кайрё и стал странствующим монахом.

Но под одеждами монаха Кайрё продолжало биться сердце самурая. Если прежде он смеялся над опасностью, то и теперь ему неведом был страх: в любую погоду, в любое время года он шел проповедовать туда, куда едва ли нашел бы смелость отправиться другой священник. Тот век был веком насилия и анархии; на больших дорогах одинокий путник никогда не мог ощущать себя в безопасности, даже монах.

В первом длительном путешествии, которое предпринял Кайрё, ему довелось побывать в провинции Каи. Однажды вечером он шел по горной дороге, и в пути его застала ночь. Он находился в пустынной местности, где, насколько ему было известно, не было ни одной деревни на мили вокруг. Поэтому монах решил провести ночь под открытым небом. На обочине он отыскал место, поросшее густой травой, улегся и приготовился ко сну. Его никогда не смущали неудобства: когда не было ничего подходящего, даже голую скалу он считал хорошим ложем, а корень сосны – отличной подушкой. Его тело было выковано из стали; утренняя роса, дождь, мороз и снег – ничто его не беспокоило.

Однако, едва он прилег, на дороге появился человек. Он нес топор и огромную вязанку хвороста. Увидев лежащего на земле Кайрё, дровосек остановился. Несколько мгновений он в удивлении молча смотрел на монаха, а потом сказал:

– Что же вы за человек, досточтимый господин, если у вас хватает мужества укладываться в таком месте?.. Здесь обитают привидения – много привидений. Вы не боитесь Волосатых Тварей?

– Друг мой, – весело отвечал Кайрё, – я всего лишь странствующий монах. Люди называют таких, как я, *«унсуй-но-рёкаку»* – «гость небес и воды». И конечно, не меньше других я боюсь лис-оборотней, барсуков-оборотней, гоблинов или иных подобных созданий. Что касается уединенных мест, то они мне нравятся: они удобны для медитаций. Я приучился спать на свежем воздухе, а страх за свою жизнь мне неведом.

– Вы, должно быть, очень смелый человек, господин монах, – отвечал крестьянин, – потому что улеглись здесь. У этого места плохая слава, очень плохая. Не зря говорят: «кунси ва аяуки ни тикаёрадзу то яра мосимасугэна» («без нужды даже смельчак не станет подвергать себя опасности»). Поэтому я должен предостеречь вас: спать здесь очень опасно. Хотя мое жилище – всего лишь неказистая хижина, тем не менее я умоляю вас пойти со мной. Мне нечего предложить вам из еды, но, по крайней мере, у вас будет крыша над головой и вы можете выспаться, ничем не рискуя.

Голос его звучал искренне, и Кайрё, которому понравилось любезное обхождение дровосека, принял его скромное предложение. Тот повел его по узкой тропинке, что тянулась в лес, в сторону от дороги. Тропинка петляла и временами терялась среди корней деревьев, шла по краю пропасти, огибала выступы скал, но наконец привела на вершину холма, где был дом дровосека. Стояла полная луна, и Кайрё увидел небольшой, освещенный изнутри дом под соло-

менной крышей. Спутник подвел монаха к террасе в задней части дома: туда по бамбуковым трубам была подведена вода из ближнего ручья, и там они омыли ноги. За террасой был виден огород, кедровая роща и заросли бамбука. За деревьями можно было разглядеть небольшой водопад: в лунном свете он был похож на ниспадающие белые одежды.

Когда в сопровождении хозяина Кайрё вошел в дом, он увидел четверых человек – мужчин и женщин, они грели руки над очагом, расположенным в центре главной комнате. Завидев священника, они склонились в низком поклоне и сердечно его приветствовали. Кайрё удивился: откуда бедные люди, живущие к тому же в таком уединенном месте, владеют столь утонченными приемами приветствий. «Это хорошие люди, – подумал он про себя, – должно быть, их кто-нибудь обучал правилам этикета». Затем, обернувшись к хозяину – *арудзи*¹⁵, так его звали остальные, Кайрё сказал:

– По любезности вашей речи и по столь вежливому приему, что вы мне оказали, я могу заключить, что вы не всегда были дровосеком. Вероятно, прежде вы занимали иное, более высокое положение?

Улыбнувшись, дровосек отвечал:

– Вы не ошиблись, господин. Вы видите, как я живу сейчас, но так было не всегда. Моя история – это история поломанной жизни, и в этом только моя вина. Прежде я служил одному даймё и занимал при его дворе не последнее место. Но я слишком увлекался вином и женщинами, и страсти мои заставляли меня поступать опрометчиво. Мой эгоизм привел наш дом к краху и стоил жизни многим людям. Возмездие преследовало меня, и я долго скитался по свету. Теперь я часто молюсь в надежде обрести возможность искупить то зло, что я содеял, и воссоздать погибший дом. Но, боюсь, никогда не найду способа для этого. Тем не менее я прилагаю усилия преодолеть карму моих ошибок искренним раскаянием и тем, что пытаюсь помочь тем, кто нуждается в моей помощи.

Слова *арудзи* свидетельствовали о добрых намерениях, и они понравились Кайрё. Он сказал:

– Друг мой, мне доводилось наблюдать, как человек, склонный в юности к легкомыслию, в зрелые годы становился искренним приверженцем достойного образа жизни. В священных сутрах написано, что даже самые закоренелые в своих дурных наклонностях люди могут преодолеть их и стать самыми упорными праведниками. Я не сомневаюсь, что у вас доброе сердце, и я надеюсь, что судьба будет к вам благосклонна. Сегодня я буду читать сутры во имя вашего спасения и молиться, чтобы вы обрели силу для одоления кармы прошлых ошибок.

С этими заверениями Кайрё пожелал *арудзи* спокойной ночи. Ему показали очень маленькую боковую комнату, где для него была уже приготовлена постель. Затем все, за исключением монаха, отправились спать. А он при свете бумажного фонаря стал читать священные сутры. До глубокой ночи он продолжать читать и молиться. Затем открыл окошко в своей комнате, чтобы бросить взгляд на пейзаж за окном. Ночь была чудесной: ни облака в небе, ни ветерка; под светом полной луны четко вырисовывалась листва на деревьях в саду, и на листьях блестели капли росы. Стрекот цикад и шум отдаленного водопада музыкой наполняли ночь. Услышав шум воды, Кайрё почувствовал жажду. Он вспомнил о бамбуковом акведуке у задней части дома и решил пойти туда, чтобы напиться, не беспокоя никого. Осторожно раздвинул ширмы, отделявшие его комнату от главной, и... увидел пять неподвижно лежащих тел – все они были обезглавлены!

На мгновение он застыл в оцепенении и подумал, что здесь произошло преступление. Но через минуту заметил, что крови нигде нет, а на шеях у тел нет следов того, что головы отрезаны. Тогда он подумал: «Или это иллюзия, наведенная гоблинами, или я нахожусь в доме, где живут *рокуро-куби*». Он припомнил, что читал о них в одной старинной книге; *рокуро-*

¹⁵ *Арудзи* – владелец дома.

куби очень опасны, но их можно победить: если безголовое тело перенести в другое место, то голова не сможет вновь соединиться с ним. Книга также гласит: когда голова возвращается и видит, что тела нет, она трижды ударяется оземь, отскакивая, как мяч, задыхается и умирает.

«Если это рокуро-куби, – подумал Кайрё, – это не предвещает ничего хорошего. Поэтому поступлю я в соответствии с инструкциями из книги».

Он подхватил тело арудзи за ноги, подтащил к окну и вытолкнул наружу. Затем подошел к задней двери, но она оказалась закрытой. Кайрё сообразил, что головы покинули дом через дымоход, который оставался открытым. Он аккуратно отворил дверь, прошел в сад, а затем углубился в рошу, которая начиналась за ним. Здесь он услышал голоса и отправился на их звук, крадучись от тени к тени, пока не нашел для себя надежного убежища. Укрывшись за стволом дерева, он увидел головы – все пять сразу, – они порхали как бабочки, поедая червей и насекомых, которых находили на земле и на деревьях, и при этом разговаривали. Голова, которая принадлежала арудзи, перестала есть и произнесла:

– Ах этот странствующий монах, что пришел сегодня, – какое у него упитанное тело! Когда мы съедим его, наши животы насытятся. Я совершил глупость, затеяв с ним разговор: он принялся читать сутры по моей душе! Находиться рядом с ним, когда он их читает, для нас мучительно, и мы не можем прикоснуться к нему, пока он не умолкнет. Но теперь уже почти утро, может быть, он уже заснул?.. Пусть кто-нибудь из вас отправится в дом и посмотрит, что он делает.

Другая голова – это была голова молодой женщины – тотчас, как мотылек, полетела к дому. Через несколько минут она вернулась и хрипло закричала – в голосе ее была великая тревога:

– Этого монаха нет в доме – он исчез! Но это не самое плохое. Он унес тело нашего арудзи. Я не знаю, куда он дел его.

Услышав это известие, голова арудзи – она отчетливо была видна в лунном свете – искалась в страшной гримасе: глаза вылезли из орбит, волосы встали дыбом, зубы заскрежетали. Затем из ее уст вырвался ужасный крик, рыдая от гнева, голова воскликнула:

– Мое тело забрали! Значит, воссоединиться с ним невозможно! Я должен умереть! И все это из-за проклятого монаха! Но прежде чем умру, я доберусь до него! Я разорву его! Я сожру его! А!.. ВОТ ОН!.. Он там, за деревом, спрятался за тем деревом!.. ВИЖУ ЕГО!.. Жирный трус!..

В тот же самый момент голова арудзи вместе с четырьмя другими головами подлетела к Кайрё. Но монах уже вооружился – он выдернул из земли молодое дерево, превратив его в дубинку. Этим оружием он принялся наносить удары по головам, едва они приблизились. Четыре головы улетели. Но голова арудзи, несмотря на сыпавшиеся на нее удары, в остервенении продолжала нападать на монаха и наконец вцепилась зубами в левый рукав его одежды. Кайрё схватил голову за волосы и несколько раз ударил по ней. Голова не ослабила хватку, но, испустив протяжный стон, прекратила борьбу. Она была мертва. Но ее зубы крепко держали рукав, и, даже собрав все свои силы, Кайрё не смог разжать челюсти.

Так, с головой, которая болталась на его рукаве, он вернулся в дом и там нашел четырех других рокуро-куби – они сидели на корточках, прижавшись друг к другу, – их головы, побитые и кровоточащие, уже воссоединились с телами. Увидев, что он входит в дом, они закричали:

– Монах! Монах! – И, выскочив из дома, убежали в лес.

Небо на востоке заалело, начиналось утро, а Кайрё знал, что силы злых духов ограничены лишь часами ночи. Он посмотрел на голову, которая вцепилась зубами в рукав его одежды: ее лицо было залито кровью, измазано пеной и глиной. Он громко рассмеялся и подумал про себя: «Каков сувенир! Голова гоблина!» Затем, собрав свои немудрящие пожитки, спустился с горы и продолжил путешествие.

Так он и странствовал, пока не прибыл в город Сува в провинции Синано. Он шел по главной улице города, а голова гоблина была прицеплена к его рукаву. Идущая навстречу женщина, увидев эту картину, упала в обморок, а ее дети с криками ужаса разбежались. Вскоре вокруг него собралась большая толпа, поднялся шум, и так продолжалось до тех пор, пока *торитэ* (так назывались полицейские в те времена) не схватили его и не отвели в тюрьму. Они заподозрили, что эта голова – голова человека, которого Кайрё убил, а она вцепилась убийце в рукав. Что касается подозреваемого, он только улыбался, когда его допрашивали. Он провел ночь в тюрьме, а наутро предстал перед судом. Судьи приказали ему объяснить, как произошло, что он, монах, был обнаружен с головой, вцепившейся в рукав, и почему он так демонстративно выказывает свое преступление людям.

В ответ на эти вопросы Кайрё долго и громко смеялся, а затем сказал:

– Господа, не я прицепил эту голову к собственному рукаву – она сама вцепилась в рукав против моей воли. И я не совершал никакого преступления, поскольку это не человеческая голова, а голова гоблина. И я не проливал кровь понапрасну, но только для того, чтобы защитить себя.

И он в деталях поведал о своем приключении. Очередной приступ смеха настиг его, когда он рассказывал о схватке с пятью головами.

Но судьи не смеялись. Они обвинили его в том, что он является закоренелым преступником, а его история есть глумление над их рассудком. Поэтому они не стали его больше допрашивать, а приговорили к немедленной смерти. Но это решение не было единогласным – его не поддержал один старик. Этот пожилой чиновник не сделал ни одного замечания в процессе, но, услышав мнение коллег, поднялся и сказал:

– Давайте сначала внимательно осмотрим голову, поскольку это, как я понимаю, не было сделано. Если монах говорит правду, сама голова должна это засвидетельствовать. Принесите сюда голову!

С Кайрё сняли одежду и вместе с головой, вцепившейся в рукав, перенесли к судьям. Старик несколько раз повернул ее, внимательно осмотрел и обнаружил на задней части, в ее основании, несколько странных красных отметин. Он обратил внимание коллег на это, а также и на то, что голова явно не была отделена от туловища при помощи оружия: края «раны» были ровными и гладкими – такие бывают, когда осенний лист отделяется от стебля. Затем старый судья произнес:

– Я убежден, что монах сказал нам правду. Это голова рокуро-куби. В книге «Нан-хо-и-буцу-си» написано, что вот эти красные отметины всегда можно обнаружить в основании шеи настоящего рокуро-куби. Вот эти отметины. Вы сами видите, что они не нарисованы. Более того, хорошо известно, что такие существа издревле обитают в провинции Каи. Но вы, господин, – воскликнул старик, оборачиваясь к Кайрё, – вы, должно быть, какой-то необычный монах! Вы проявили поразительную храбрость. Ею обладают не многие священнослужители. В вас дух скорее не священника, а воителя. Возможно, вы прежде были самураем?

– Ваше предположение верно, господин, – отвечал Кайрё. – Перед тем как стать монахом, я довольно долго был воином и тогда не страшился ни человека, ни дьявола. В миру мое имя было Исогай Хэйдадзаэмон Такэцура из Кюсю. Среди вас, возможно, есть те, кто еще помнит его.

При упоминании этого имени в зале суда прошелестел шепот восхищения, поскольку среди собравшихся было немало тех, кто знал это имя. Немедленно Кайрё очутился не среди судей, а среди друзей, каждый из которых стремился выказать ему братское участие и восхищение. С большими почестями его проводили к резиденции местного даймё, который приветил и одарил его перед отбытием. Когда Кайрё покидал город, он был счастлив настолько, насколько может быть счастлив монах в этом бренном мире. Что касается головы, он взял ее с собой в качестве своеобразного сувенира.

Теперь осталось только поведать, что произошло с головой.

Через день или два Кайрё повстречал разбойника, который остановил его в пустынном месте. Он потребовал, чтобы тот разделся. Кайрё снял одежду и протянул ее грабителю. Тот сразу заметил, что висело на рукаве, и хотя не был трусом, выпустил одежду из рук, отшатнулся и закричал:

– Вы! Что вы за священник? Вы еще хуже меня! Да, мне случалось убивать людей, но я никогда не разгуливал с головой, притороченной к рукаву... Ну и ну, господин монах... Я полагаю, мы стоим друг друга, и я хочу сказать, что восхищаюсь вами! Эта голова могла бы принести мне пользу: я бы мог пугать ею людей. Может быть, вы продадите ее мне? Вы можете взять мою одежду вместо вашей, а еще я доплачу вам пять рё за эту голову.

Кайрё ответил:

– Если вы настаиваете, я позволю взять вам эту голову и одежду, но я должен сказать, что это не человеческая голова. Это голова гоблина. Таким образом, если вы купите ее и у вас вследствие этого случится неприятность, попомните, что я не обманул вас.

– Какой вы замечательный монах! – воскликнул разбойник. – Вы убиваете людей, да еще и шутите по этому поводу. Но я говорю совершенно искренне. Вот вам моя одежда. Вот вам мои деньги. А теперь давайте мне голову... Только почему вы так шутите?

– Берите, – сказал Кайрё. – Я не шутил. Единственное, что можно принять за шутку – если по этому поводу вообще можно шутить, – это ваша глупость. Вы оказались настолько неразумны, что дали мне такую высокую цену за голову гоблина.

И Кайрё, громко смеясь, отправился своей дорогой.

Таким образом, разбойник заполучил голову и одежду монаха. Некоторое время, притворяясь священником, он орудовал на большой дороге. Но, очутившись однажды в окрестностях города Сува, он узнал подлинную историю головы и очень испугался, что дух рокуро-куби может стать для него источником несчастий. Поэтому он решил вернуть голову туда, откуда она появилась, и похоронить рядом с ее телом. Он отыскал путь к одинокому жилищу в горах провинции Каи, но там никого не было, и он не смог разыскать тело. Поэтому в роще позади дома он похоронил только голову, а на могиле воздвиг могильную плиту. А еще он заказал специальную поминальную службу по духу рокуро-куби.

Японские сказители утверждают, что надгробие рокуро-куби и сейчас находится на том же месте и каждый желающий может его увидеть.

Тайна мертвой женщины

Много лет тому назад в одной провинции жил богатый купец. Его звали Инамура Гэн-сукэ. У него была дочь по имени О-Соно. Она слыла очень умной и красивой девушкой. Отец печалился, что такой умнице и красавице суждено воспитываться в провинции и ее знания будут ограничены тем, что ей смогут дать местные учителя. Он посчитал это несправедливым и отправил девочку учиться в Киото¹⁶, препоручив опеке преданных слуг. Отец хотел, чтобы дочь знала и умела все, что знают и умеют столичные дамы.

После того как девушка получила образование и воспитание, она вышла замуж. Ее супруг тоже был купцом и к тому же давним другом семьи. В положенное после свадьбы время у них родился мальчик – их единственный ребенок. Почти четыре года они прожили вместе и были счастливы. Но однажды О-Соно заболела и вскоре умерла.

После похорон маленький сын О-Соно проснулся посреди ночи и, плача, выбежал из своей комнаты. Когда его спросили, что случилось, он ответил, что его мама вернулась. Она смеялась, но не разговаривала с ним, поэтому он испугался и убежал. Тогда члены семьи поднялись наверх и вошли в комнату, в которой прежде жила умершая. В комнате под самым потолком висела небольшая зажженная лампа. Хотя лампа давала мало света, фигура умершей женщины была вполне различима. Она стояла у комода со множеством выдвижных ящиков, который находился за ширмой, где хозяйка одевалась и меняла платье, когда была жива, – там висели ее одежды и лежали украшения. Голова и плечи женщины были видны отчетливо, но очертания фигуры ниже едва угадывались сквозь ширму. К тому же абрис тела колебался – подобно тому, как зыбко и непостоянно наше отражение на поверхности беспокойных вод.

Увидевшие это испугались и не мешкая выбежали вон. Некоторое время спустя, немного успокоившись, они собрались внизу и держали совет. Свекровь умершей женщины сказала:

– Каждая женщина любит украшения. О-Соно не была исключением. Может быть, она просто вернулась, чтобы вновь полюбоваться на них? Среди мертвецов такое случается нередко – многие из них так поступают. Не случайно существует обычай жертвовать вещи умершего в приходской храм. Если мы пожертвуем кольца и ожерелья О-Соно храму, душа ее, возможно, успокоится.

Все сошлись во мнении, что это должно быть сделано как можно скорее. На следующее утро все ящики комода, шкафы и шкатулки были освобождены от драгоценностей и одежды умершей. Их собрали и перенесли в храм, где и оставили. Но на следующую ночь женщина вернулась в ту же комнату, где была накануне. Повторилось это и в ночь после, и на следующую, – в общем, так повторялось каждую ночь. И вскоре в доме прочно поселился страх.

Свекровь О-Соно отправилась в местный приходской храм и рассказала обо всем настоятелю. Она надеялась получить от него совет и помощь в этом трудном деле. Монахи местного храма принадлежали к числу последователей дзен. Настоятель храма был не только человеком преклонных лет, но и ученым. Его звали Дайгэн Осё. Он сказал:

– Должно быть, есть нечто такое, что влечет ее к этому месту: что-то или в самом комодке, или где-то поблизости.

– Но мы опорожнили все ящики, – отвечала пожилая женщина. – В комодке ничего нет.

– Хорошо, – сказал Дайгэн Осё. – Вечером я приду к вам домой и останусь в той комнате, понаблюдаю. Там посмотрим, что можно сделать. Но вы должны обещать, что, пока я нахожусь внутри, никто – ни единый человек – не войдет внутрь. Даже если я сам буду умолять об этом.

Настоятель сдержал обещание и пришел в дом после того, как солнце село. Комната была приготовлена. Он остался внутри в полном одиночестве. Лишь было слышно, как священник

¹⁶ *Киото* – столица средневековой Японии.

читает молитвы. Ничто не происходило до тех пор, пока не наступил час Крысы, то есть пока не сравнялась полночь¹⁷.

Полночь пришла, и вместе с ней возникла фигура О-Соно. Она появилась внезапно, словно материализовавшись из воздуха, и вновь оказалась подле комода. Во взгляде ее читалось некое тайное, но страстное желание. С этим выражением ее глаза блуждали по поверхности комода, по ручкам его многочисленных ящиков и ящичков.

Священник произнес священную формулу, которая предписывается правилами в подобном случае, и сказал, обращаясь к привидению мертвой женщины:

– Я пришел сюда для того, чтобы помочь тебе. Быть может, в одном из ящиков этого комода есть нечто такое, что заставляет тебя приходить сюда снова и снова? Если ты позволишь, я попытаюсь помочь тебе отыскать то, что ты ищешь.

Призрачная фигура качнулась и, казалось, подала знак, едва заметно наклонив голову. Священник встал и подошел к комоду. Открыл верхний ящик. Он был пуст. Монах открыл следующий, но и тот оказался пустым, открыл третий, четвертый, пятый... Поиски не принесли результатов. Священник стал вытаскивать их из гнезд полностью и осматривать каждый со всех сторон, тщательно ощупывая пространство внутри гнезда, но тщетно – он не находил ничего.

Он посмотрел на призрак мертвой женщины. Выражение лица не менялось – монах видел все тот же требовательный и нетерпеливый взгляд. «Что же ей все-таки нужно?» – подумал он.

«А может быть, то, что она ищет, спрятано под бумагой?» – Эта мысль внезапно пришла ему в голову. – Каждый ящик изнутри оклеен бумагой. Надо искать!»

Он разорвал бумагу, которой была оклеена внутренняя поверхность первого ящика. Ничего! Ту же процедуру проделал со вторым – безрезультатно. Ничего не нашел он и в других ящиках. Но когда добрался до последнего – самого маленького и незаметного – и надорвал бумагу, то обнаружил спрятанное там письмо.

– Не это ли предмет, о котором ты так беспокоишься? – спросил он.

Призрак женщины приблизился вплотную. Взгляд горящих глаз впился в письмо, которое монах держал в руках.

– Хочешь, чтобы я сжег его? – спросил он. – Тебе *это* нужно?

Фигура заколебалась и склонилась в поклоне.

– Письмо я сожгу в храме завтра утром, на самой заре, – пообещал он. – Я прочту его, но, кроме меня, никто и никогда не узнает того, что там написано.

В ответ на его слова раздался женский смех, и призрачная фигура исчезла – растворилась в воздухе.

С первыми лучами рассвета священник покинул комнату и спустился вниз. Вся семья собралась и в великом волнении ожидала его появления.

– Более ни о чем не беспокойтесь, – сказал он, обращаясь ко всем членам семьи. – Она никогда не появится здесь снова.

Так и случилось. Никто и никогда больше не видел призрака мертвой женщины.

Письмо было сожжено. Это было любовное послание. Оно было адресовано юной О-Соно, когда та еще училась в Киото. Только священник знал о содержании письма, и он унес эту тайну с собой в могилу.

¹⁷ Час Крысы – период времени между полуночью и двумя часами ночи; первый час наступившего дня (японский час равен двум астрономическим часам).

Юки-онна

В одной из деревень провинции Масаси жили два лесоруба – Мосаку и Минокиси. В те годы, о которых идет речь, Мосаку был уже немолод, а Минокиси, его ученику, едва сравнялось восемнадцать лет. Каждый день на рассвете они вместе отправлялись в лес, расположенный в пяти милях от их деревни. Лес был по другую сторону широкой реки. Чтобы путники могли беспрепятственно пересекать ее, на реке устроили паромную переправу. Несколько раз в том месте возводили мост, но весеннее половодье – очень бурное в этой местности – разрушало его. Никакой мост не мог выдержать напора разбушевавшейся стихии.

Однажды Мосаку и Минокиси возвращались домой из леса. Был вечер, и было очень холодно, да вдобавок начиналась снежная буря. Они подошли к переправе и обнаружили, что паромщика нет на месте, а его лодка находится на другом берегу реки. Они поняли, что тот ушел домой. Пересекать реку вплавь в такую погоду было безумием, поэтому лесорубы решили укрыться в хижине паромщика и чувствовали себя счастливыми, что у них есть хотя бы такое убежище.

В хижине не было ни жаровни, ни места, где можно развести огонь. Хижина была очень мала: вдвоем они смогли разместиться лишь с трудом – в единственной комнате не было даже окна, а входная дверь вела прямо на улицу. Мосаку и Минокиси заперли дверь и легли отдохнуть, укрывшись собственными плащами. Поначалу они почти не ощущали холода, к тому же надеялись, что снежная буря скоро утихнет.

Старик уснул быстро, а юноша долго не засыпал, слушая вой ветра и удары снежных зарядов в дверь и стены хижины. Ревела река, стены домика сотрясались и ходили ходуном под порывами ветра. Минокиси чудилось, что их хижина – утлый челнок, несущийся по воле волн в открытом море. Становилось все холоднее и холоднее, юношу сотрясала дрожь. Но в конце концов он тоже уснул.

Его разбудил ледяной ветер, ударивший в лицо. Дверь в хижину с силой распахнулась, и на фоне снежной завесы он увидел силуэт женщины, входившей в комнату. Женщина была вся в белом. Она склонилась к Мосаку и подула на него – ее дыхание было подобно белой струящейся дымке. Затем она повернулась к Минокиси и наклонилась к нему. Он захотел закричать, но обнаружил, что не может выдать из себя ни звука. Женщина в белом склонилась ниже, затем еще ниже – так, что ее лицо почти касалось его лица. Она была очень красива, но ее глаза испугали его. Некоторое время она молча смотрела на Минокиси, затем рассмеялась и прошептала:

– Мне следовало поступить с тобой так же, как и с тем, другим. Но чувствую к тебе жалость – и не совладать с ней. Ты так молод... И ты так мил, Минокиси... Сейчас я не причиню тебе зла. Но если ты расскажешь когда-нибудь и кому-нибудь – даже собственной матери – о том, что ты видел этой ночью, я узнаю об этом, и тогда я убью тебя... Помни о том, что я тебе сказала!

Умолкнув, она выпрямилась и вышла из хижины.

Когда к Минокиси вернулась способность двигаться, он вскочил и выглянул наружу. Женщины нигде не было видно – только снег взвивался яростными вихрями.

Минокиси закрыл дверь и для верности запер ее деревянными засовами. Он подумал, что это ветер распахнул дверь. А то, что ему привиделось, – лишь сон, видение, и он, должно быть, просто ошибся, приняв снежный сполох за женский силуэт в дверном проеме. Но он совсем не был в этом уверен. Он окликнул Мосаку, но старик не отозвался, и это еще сильнее испугало юношу. Он протянул руку и в темноте коснулся лица старика: оно было холодно как лед! Мосаку был мертв и уже окоченел...

К рассвету пурга утихла, и когда утром паромщик вернулся к себе в хижину, он обнаружил Минокиси. Тот лежал без чувств подле окоченевшего тела Мосаку.

Юноша долго болел – он сильно простудился той холодной ночью. Он был очень напуган смертью старика, но о женщине в белом никому ничего не сказал. Окрепнув, он снова вернулся к своему прежнему занятию: каждое утро уходил в лес, а на закате возвращался обратно с вязанками хвороста, которые его мать продавала.

Однажды вечером – была зима, прошел примерно год после прискорбного события – Минокиси, как обычно, возвращался домой из леса и нагнал девушку, которая шла той же дорогой, что и он. Очень стройная и хрупкая, она была необычайно красива и на приветствие юноши отвечала голосом таким звонким и мелодичным, что он ласкал слух, подобно песне жаворонка. Они пошли рядом и разговорились. Девушка рассказала, что ее зовут О-Юки¹⁸ и она недавно потеряла родителей, а теперь идет в Эдо¹⁹, где живут ее дальние родственники. С их помощью она надеется получить место служанки. Очень скоро Минокиси был совершенно очарован этой необычной девушкой. И чем больше он смотрел на нее, тем сильнее она ему нравилась. Он спросил, не просватана ли она, и она отвечала ему, смеясь, что она свободна. Затем в свою очередь и она задала вопрос Минокиси, не женат ли он, или, может быть, помолвлен с кем-то. Он отвечал, что живет вдвоем с матерью, она давно вдова, и поскольку он еще молод, то вопрос о невестке пока не поднимался. После взаимных признаний они замолчали и довольно долго шли рядом, не разговаривая. Но как гласит пословица: «Ки га арэба, мэ мо кути ходо ни моно о иу» («Где замешаны чувства, глаза красноречивее слов»).

К тому времени, когда они добрались до деревни, обоим уже было ясно, что симпатия их взаимна. Затем Минокиси предложил О-Юки передохнуть в их доме. Она смутилась, но, помедлив, согласилась и пошла с ним. Мать юноши встретила девушку радушно и разогрела для нее еду. Поведение и манеры О-Юки покорили мать Минокиси, и сама девушка так понравилась, что женщина предложила ей повременить с путешествием в Эдо и пожить у них. Понятное дело, что О-Юки так никогда и не добралась до Эдо. Она осталась в их доме в качестве названной приемной дочери и вышла замуж за Минокиси.

Она оказалась очень хорошей невесткой. Примерно пять лет спустя, когда матери Минокиси пришлось умирать, ее последними словами были слова признательности и благодарности жене сына. У О-Юки и Минокиси родилось десять детей – мальчиков и девочек. Все детишки были очень пригожие и милые, и у каждого из них была очень чистая белая кожа.

Между собой местные говорили, что О-Юки совершенно необыкновенная женщина – не такая, как они. Здешние крестьянки быстро стареют, а О-Юки, родив десятерых детей, оставалась все такой же юной и свежей, как тогда, когда впервые появилась в деревне.

Однажды вечером, уложив детей спать, О-Юки устроилась с шитьем под бумажным фонарем – так, чтобы его света было достаточно для работы. Минокиси, наблюдая за своей женой, сказал:

– Ваше лицо, склоненное над рукоделием и освещенное светом фонаря, заставляет меня вспомнить об одном странном событии, приключившемся со мной очень давно, – я был совсем молод, мне только сравнялось восемнадцать. Тогда я видел женщину – такую же красивую и такую же белокожую, как вы. В самом деле, она так на вас похожа...

Не поднимая глаз от рукоделия, О-Юки попросила:

– Расскажите мне о ней. Где вы ее видели?

И тогда Минокиси рассказал своей жене о том, что произошло в ту страшную ночь в хижине паромщика: как Белая женщина склонилась над ним, что она ему прошептала и как смеялась; рассказал и о безмолвной смерти старого Мосаку. И добавил:

¹⁸ О-Юки – это имя переводится как «снег» и прежде было довольно распространенным в Японии.

¹⁹ Эдо – средневековое название Токио.

– Это был единственный раз, когда – во сне или наяву – я видел кого-то, кто красотой своей может сравниться с вами. Конечно, она не человек, я испугался ее – я был очень сильно напуган, и она была такая белая!.. До сих пор не могу понять: Белая женщина была наяву или это был сон?..

О-Юки с силой отшвырнула рукоделие, подскочила к Минокиси, который сидел на полу на циновке, склонилась над ним и прошипела:

– Это была я-я-я!.. Я говорила тогда, что убью тебя, если ты когда-нибудь хоть одно слово скажешь о том, что случилось!.. И я бы уничтожила тебя немедленно, но я не сделаю этого из-за детей, что сейчас спят. Теперь ты должен очень, очень хорошо о них заботиться, потому что, если у них появится хоть малейший повод пожаловаться на тебя, я поступлю с тобой так, как ты этого заслуживаешь!..

Голос ее сорвался в визгливый крик, а затем истончился и исчез, слившись с воем внезапно налетевшего порыва ветра, а ее фигура вдруг распалась на великое множество снежных крупинок и закружилась белым сияющим вихрем... Он взмыл вверх, скользнул между поточных балок, метнулся к дымоходу и исчез в нем...

И больше ее никогда не видели.

История Аояги

В эпоху Буммэй (то есть в период с 1469 по 1489 год) жил да был молодой самурай по имени Томотада. Его господином был Хатакэяма Ёсимунэ, владетельный князь Ното. Родиной самурая была провинция Этидзэн, но еще мальчиком его определили в пажи во дворец даймё Ното. Там же, под непосредственным присмотром князя, обучили военному искусству. Пока рос, он неизменно пользовался благосклонностью своего князя, поскольку был послушным учеником и постепенно превращался в искусного воина. Его очень любили и друзья-самураи, потому что он отличался добрым нравом, располагал к себе и обладал приятной внешностью.

Однажды – тогда Томотаде не исполнилось еще и двадцати лет – его послали с частным поручением к Хосокаве Масамото – великому даймё Киото, родственнику Хатакэямы Ёсимунэ. Поскольку в ходе путешествия ему предстояло проследовать через провинцию Этидзэн, юноша испросил дозволения навестить свою овдовевшую мать. Даймё разрешил сделать это.

Путешествие началось в самый разгар холодов. Хотя под седлом у воина была сильная лошадь, двигался он довольно медленно. Дорога проходила через горный район, где поселений было совсем немного и находились они довольно далеко друг от друга. На второй день, устав после многочасовой поездки верхом, он с тревогой обнаружил, что до назначенного для ночлега места сможет добраться только глубокой ночью. Для беспокойства были серьезные основания – начинался буран, дул сильный ветер, а лошадь уже выбивалась из сил. В этот момент Томотада неожиданно заметил небольшой дом под соломенной крышей – в окружении ив тот стоял неподалеку на склоне холма. С трудом всадник направил уставшее животное к жилищу. Он громко постучал в затворенную дверь, и ее открыла пожилая женщина. Увидев хорошо одетого незнакомца, она с сочувствием воскликнула:

– Ах, как мне вас жалко! Молодой человек благородной наружности путешествует один в такую погоду!.. Сделайте милость, молодой господин, войдите!

Томотада спешил, отвел лошадь под навес, а затем вошел в дом. Здесь он увидел старика и девушку, которые грелись у очага. Хозяйева радушно пригласили его подойти к огню, угостили рисовой водкой и принялись готовить еду для путешественника, расспрашивая его о том, что случилось в дороге. Тем временем молодая девушка исчезла за ширмой. Томотада про себя с удивлением отметил, что она поразительно красива, хотя одежда ее изношена, а длинные распущенные волосы в беспорядке. Его озадачило, как такая красивая девушка может жить в таком убогом, заброшенном месте.

Старик сказал ему:

– Досточтимый господин, ближайшая деревня далеко от нас, а снег идет все сильнее. Ветер усиливается, и дорога очень плоха. Поэтому продолжать путь сейчас очень опасно. Хотя эта лачуга недостойна вашего присутствия и мы не можем предложить приличествующих вам удобств, остаться на ночь под этой убогой крышей будет, вероятно, наиболее верным решением... Мы хорошо позаботимся о вашей лошади.

Томотада принял это скромное предложение. Втайне он был доволен представлявшейся возможностью еще увидеть девушку. Тотчас была подана простая, но обильная пища, и девушка вышла из-за ширмы, чтобы предложить гостю вина. Она переделалась в грубое, но чистое домотканое платье, волосы ее теперь были аккуратно расчесаны и красиво уложены. Когда она нагнулась, чтобы наполнить его чашу, Томотада с восторгом заметил, что она прекраснее всех женщин, которых ему до той поры приходилось видеть. Более того – каждое ее движение было настолько грациозно, что это восхищало его. Но старики стали извиняться за нее, говоря:

– Господин, наша дочь Аояги²⁰ выросла здесь, в горах, и почти ни с кем не общалась. Она не имеет представления о вежливом обхождении. Умоляем вас не гневаться на ее глупость и невежество.

Наоборот, говорил Томотада, он почитает за счастье, что его обслуживает такая милая девушка. Хотя он видел, что его восхищенный взгляд вызвал у нее румянец смущения, он не мог отвести от нее глаз и не притронулся ни к вину, ни к пище, которые стояли перед ним. Мать сказала:

– Добрый господин, мы очень надеемся, что вы попробуете нашу пищу и выпьете немного вина. Хотя мы понимаем, что они нехороши для вас, но вы, должно быть, очень замерзли под пронизывающим ветром.

Тогда, чтобы сделать старикам приятное, Томотада принялся за еду, съев и выпив столько, сколько мог. Восхищение девушкой все сильнее росло в нем. Он заговорил с нею и обнаружил, что ее голос так же восхитителен, как и лицо. Если она действительно выросла здесь, в горах, значит ее родители должны иметь благородное происхождение, потому что она говорила и держалась как благородная особа. Внезапно – строки сами всплыли в его сознании – он обратился к ней стихами, и в них прозвучал вопрос, так взволновавший его сердце:

Тадзунэцуру,
Хана ка тотэ косо,
Хи о курасэ,
Акэну ни надо ка
Аканэ сасуран?

Что можно перевести примерно так:

По дороге спешил, встреча была впереди,
И нашел то, что за цветок можно принять.
Отчего на заре так рдеет румянец —
Этого мне не понять.

Без промедления она ответила ему такими строками:

Идзуру хи но
Хономэку иро о
Вага содэ ни
Цуцумаба асу мо
Кимия томаран.

Ее ответ можно передать так:

Если своим рукавом скрою я свет зари,
То, быть может, мой господин
Утром нас не покинет.

Так Томотада понял, что его восхищение не укрылось от нее, а те чувства, которые она сумела выразить в своих стихах, поразили его едва ли меньше, нежели то мастерство, с которым она это сделала. Теперь он был уже уверен, что в целом мире ему не встретить, а тем более

²⁰ Аояги – женское имя, которое можно перевести как «зеленеющая ива». Считается малораспространенным.

не завоевать девушку красивее и умнее этой обитательницы глухой деревни. Голос его сердца, казалось, кричал: «Не упусти удачу, которую боги даровали на твоём пути!» Короче говоря, он был очарован – очарован настолько, что не раздумывая попросил стариков выдать их дочь за него замуж. В свою очередь, он сообщил им имя и рассказал о своём положении в свите властителя Ното.

Они низко склонились перед ним с возгласами благодарного удивления. Но отец девушки, заметно волнуясь, отвечал:

– Благородный господин, вы человек высокого положения, и, вероятно, вам суждено высидеть ещё больше. Слишком велика честь, которую вы оказываете нам. Её глубину невозможно выразить словами и не измерить. Но наша девочка – всего лишь глупая крестьянка низкого происхождения. Нет у неё ни воспитания, ни образования. Разрешить ей стать женой самурая – это неправильно. Даже говорить об этом недостойно... Но поскольку вы сочли, что девушка вам понравилась, и снизошли до того, что не обратили внимания ни на её крестьянские манеры, ни на великую невежественность, мы счастливы подарить её вам в качестве обычной служанки. Поэтому соблаговолите с этого момента поступать с ней в соответствии с вашими августейшими пожеланиями.

Когда настало утро, буран прекратился. На востоке разгорелась заря, и небо было безоблачно. Даже если рукав Аояги и мог скрыть от глаз любимого розовый румянец этой зари, медлить Томотада дольше не мог. Но также не мог он и расстаться с девушкой. Когда все было приготовлено для дальнейшего путешествия, он обратился к её родителям с такими словами:

– Хотя может показаться невежливым просить более того, что мне было уже дано, я вновь прошу вас отдать мне вашу дочь в жены. Я не нахожу в себе сил, чтобы расстаться с нею сейчас, и она согласилась сопровождать меня. Если вы разрешите, я могу взять её с собой. Если вы отдадите мне её, я буду заботиться о вас, как о собственных родителях... Прошу вас принять от меня этот малый знак признательности за ваше гостеприимство.

С этими словами он положил перед хозяином мешочек с золотыми рё. Но старик, многократно поклонившись, мягко отодвинул дар от себя и сказал:

– Добрый господин, нам не на что тратить золото. К тому же оно понадобится вам самому в вашем долгом зимнем путешествии. Здесь мы ничего не покупаем, и нам не потратить этих денег, даже если бы мы захотели сделать это... Что касается дочери, так мы уже и так подарили её вам – и она принадлежит вам, поэтому нет нужды просить нас отпустить её. Она уже сказала нам, что надеется сопровождать вас и станет вам служить столько, сколько достанет у вас сил выносить её присутствие. Нам отрада знать, что вы соизволили принять её, и мы умоляем вас не беспокоиться на наш счёт. Здесь мы не могли обеспечить её надлежащими одеждами, а тем более приданым. Более того, поскольку мы уже немолоды, нам в любом случае вскоре пришлось бы с ней расстаться. Поэтому большая удача, что сейчас у вас возникло желание забрать её с собой.

Напрасно Томотада пытался заставить стариков принять подарок: он видел, что их не интересуют деньги. Но видел он и то, что они действительно очень хотят вверить в его руки судьбу их дочери, и потому решил взять её с собой. Он посадил девушку на коня и попрощался со стариками, церемонно выразив им свою искреннюю признательность. В ответ на его слова старик отвечал:

– Благородный господин, это не вы, а мы должны быть вам признательны. Мы уверены, что вы будете добры к ней, и у нас в душе нет страха за её судьбу...

[Здесь в японском оригинале следует разрыв в повествовании. По этой причине оказываются нарушены традиционные его принципы. Ничего в дальнейшем не говорится ни о матери Томотады, ни о родителях Аояги, ни о даймё Ното. Вероятно, автор по какой-то причине стремился побыстрее добраться до финала истории. Я не могу ни восполнить эти пропуски, ни произвести реконструкцию опущенной части истории, но обязан кое-что объяснить, поскольку без

этого объяснения детали дальнейшего повествования не сложатся в единую мозаику... Похоже на то, что Томотада напрасно привез Аояги в Киото, – этим поступком он навлек на себя неприятности. Неизвестно также, где жили влюбленные впоследствии.]²¹

...Но теперь перед самураем возникла иная проблема – он не мог жениться без дозволения своего даймё. А Томотада не мог ожидать такого дозволения до тех пор, пока не выполнит назначенного ему поручения. В данных обстоятельствах он тревожился, что красота Аояги может привлечь опасное внимание, и это подразумевало, что его могут разлучить с нею. Поэтому в Киото он попытался спрятать ее от досужих любопытных глаз. Но однажды слуга господина Хасокавы увидел Аояги и, узнав об их отношениях с Томотадой, сообщил даймё. Тогда даймё – человек молодой и к тому же большой любитель красивых женщин – приказал, чтобы девушка была немедленно препровождена к нему. Что сразу же и было исполнено без всяких церемоний.

Безмерна была скорбь Томотады, но он понимал, что изменить что-либо не в его силах. Кто он? Всего лишь простой посыльный на службе у провинциального даймё и сейчас находится под властью господина несравненно более могущественного, чьи прихоти никто не отважится оспорить. К тому же Томотада знал, что поступил неразумно и сам виноват в том, что случилось: он вступил в отношения, на которые не получил разрешения, а это противоречило кодексу самурая. Теперь у него была одна – отчаянная – надежда: что Аояги захочет и найдет способ убежать, а потом они вместе совершат побег. После долгих сомнений он решил попытаться переправить ей письмо. Эта попытка, конечно, была очень опасна: любое послание, перед тем как попасть к адресату, могло побывать в руках у даймё. Поэтому посылать любовное письмо любому обитателю дворца было непростительной ошибкой. Но влюбленный отважился пойти на риск и, сочинив письмо на манер старинного китайского стихотворного послания, приложил усилия, чтобы оно попало в руки Аояги. Стихотворение было начертано двадцатью восьмью иероглифами старинного стиля. Эти двадцать восемь иероглифов помогли ему выразить всю глубину его страсти и всю боль разлуки с любимой:

Коси о-сон кодзин о оу;
Рёкудзю намида о тарэтэ ракин о уруосу;
Комон хитотаби иру фукаки кото уми но готоси;
Корэ ёри сёро корэ родзин...

Строки эти примерно можно перевести так:

Близко принц юный следует за девушкой,
Что прекрасна, как драгоценный камень;
Слезы красавица льет, оттого и одежды намокли ее.
Но властелин очарован так ею,
Что глубина его страсти подобна глубинам морским.
Потому обречен на заброшенность я,
И теперь бесконечен мой путь и бесцелен.

Вечером следующего дня, после того как стихотворение было отправлено, Томотада был вызван к властителю Хасокаве. Юноша сразу же заподозрил, что его тайное послание обнаружено, и даже не надеялся, что ему удастся избежать самого сурового наказания.

²¹ Здесь и далее замечания по тексту в квадратных скобках принадлежат автору.

«Теперь он прикажет меня казнить, – думал Томотада. – Но мне и не нужна жизнь, если Аояги не будет принадлежать мне. К тому же, если мне вынесут смертный приговор, я, по крайней мере, попытаюсь убить Хасокаву».

Он сунул мечи в ножны и укрепил их на поясе, а затем отправился во дворец.

Войдя в зал для приемов, он увидел властителя Хасокаву, восседавшего в окружении самураев самого высокого звания в церемониальных одеждах и головных уборах. Все застыли в молчании как статуи. И пока Томотада шел вперед, чтобы выразить свое почтение, тишина эта представлялась ему зловещей и тяжелой, подобной затишью перед бурей. Но Хасокава внезапно оставил свой трон, спустился с возвышения, взял молодого человека под руку и стал повторять слова стихотворения: «Коси о-сон кодзин о оу...»

И Томотада увидел на глазах у принца навернувшиеся слезы.

Затем Хасокава сказал:

– Поскольку вы так сильно любите друг друга, я беру на себя ответственность и вместо моего родственника даймё Ното даю вам разрешение на брак. Поэтому свадебная церемония состоится здесь, в моем присутствии. Гости собрались, подарки приготовлены.

По его сигналу ширмы, скрывающие другую часть зала, раздвинулись, и Томотада увидел, что на церемонию собралось множество придворных, а Аояги ожидает его в наряде невесты. Так ее вернули ему, а потом состоялась свадьба – веселая и радостная. Сиятельный принц и его родственники подарили молодой паре множество подарков.

Пять счастливых лет прожили вместе Томотада и Аояги после свадьбы. Но однажды утром, беседуя с мужем по поводу домашних дел, Аояги внезапно громко вскрикнула от боли и сильно побледнела. Через несколько мгновений слабым голосом она произнесла:

– Простите меня за мою несдержанность, но боль настигла меня так внезапно!.. Мой дорогой муж, наш союз, должно быть, был предопределен кармой прежнего существования, поэтому эти счастливые отношения, я думаю, соединят нас еще в других воплощениях. Но теперь, в этой жизни, они заканчиваются – вот-вот мы расстанемся. Прочитайте по мне заупокойную молитву, пожалуйста! Я умираю...

– Что за странные необузданные фантазии! – вскричал пораженный муж. – Вам только чуть нездоровится. Моя дорогая, прилягте и отдохните – ваше недомогание пройдет...

– Нет-нет! – отвечала она. – Я умираю! Мне не кажется – я точно это знаю! Нет смысла, мой дорогой муж, скрывать теперь правду от вас: я не человеческое существо. Моя душа – это душа дерева, сердце дерева – это мое сердце, соки ивы – это моя жизнь. И кто-то в этот самый момент рубит мое дерево – поэтому мне суждено умереть... Даже плакать сейчас уже выше моих сил... Быстрее, быстрее читайте, прошу вас, молитву – быстрее!.. Ах!..

Вновь вскричав от боли, она отвернула свое прекрасное лицо и попыталась закрыть его рукавом. Но почти в тот же момент ее тело начало разрушаться самым странным образом: оно опускалось все ниже, и ниже, и ниже – пока не сровнялось с уровнем пола. Томотада бросился поддержать ее – но нечего было поддерживать! На циновках лежали только одежды его дорогой супруги и драгоценности, которые украшали ее волосы, а тело перестало существовать – оно исчезло!

Томотада обрил голову, дал буддийский обет и стал странствующим монахом. Он скитался по всем провинциям империи и, посещая в ходе своего паломничества святые места, в каждом возносил молитвы о душе Аояги.

Однажды, странствуя, он очутился в провинции Этидзэн и решил разыскать дом родителей своей любимой. Но, придя в то уединенное место среди холмов, где располагалось их жилище, он обнаружил, что дом исчез. Ничто не указывало, что он здесь когда-то стоял, за исключением трех пней, оставшихся от ивовых деревьев – двух старых и одного молодого. И срубили их задолго до его появления здесь.

Подле этих трех пней он установил надгробие и начертал на нем священные письмена, а потом долго молился, вознося свои молитвы святому Будде за души Аояги и ее родителей.

Сакура шестнадцатого дня

В провинции Иё, в местности под названием Вакэгори, растет дерево – очень древняя и знаменитая на всю округу вишня. Ее называют дзю-року-сакура, то есть Вишневое дерево шестнадцатого дня. Такое имя этой сакуре дали потому, что ее цветение каждый год начинается на шестнадцатый день первого месяца года (по старому японскому лунному календарю) – всегда в один и тот же день. Как известно, цветение сакуры зависит от погоды: когда год выдается холодным, вишневые деревья зацветают позже – они чувствуют, когда весна приходит настоящему, и начинают цвести с ее приходом. Но эта сакура живет своей жизнью и начинает цветение всегда в один и тот же день, не обращая внимания на погоду. Потому что в дерево вселилась душа человека.

Этот человек был самураем из Иё. Дерево росло в его саду и цвело в обычное время – то есть примерно в конце марта или в начале апреля. Он играл под этим деревом ребенком. Его родители, родители родителей и их предки многие-многие годы украшали цветущие ветви сакуры хвалебными стихами, начертанными тушью на полосках цветной бумаги. Он и сам постарел и превратился в глубокого старика под сенью этой сакуры. Он пережил своих детей, и не осталось никого в целом мире, ради кого стоило продолжать жить, кроме этого дерева. Но вот однажды – это случилось летом – дерево завяло и умерло!

Старик очень горевал по своему дереву. Тогда добрые соседи отыскивали молодое красивое вишневое деревце и посадили его в саду в надежде, что это утешит старика. Он был благодарен и в чужих глазах старался выглядеть умиротворенным и счастливым. Но на самом деле сердце его было переполнено печалью: он так любил старое дерево, что ничто не могло примирить его с потерей и утешить.

Наконец к нему пришла счастливая мысль: он придумал, как можно спасти умирающее дерево. Случилось это на шестнадцатый день первого месяца наступившего года. Он вошел в сад и склонился в глубоком поклоне перед увядшей вишней. А затем, обращаясь к ней, произнес:

– Умоляю вас снизойти и зацвести снова, потому что я собираюсь умереть вместо вас.

Существует поверье: собственную жизнь возможно передать другому человеку, или какому-либо живому существу, или даже дереву, если на то будет воля богов. Для того чтобы она свершилась, необходимо произнести священную формулу: мигавари ни тацу (смысл которой можно передать так: свою жизнь меняю на другую).

После того как заклинание было произнесено, старик расстелил под деревом специальное белое покрывало, которое сверху покрыл другими кусками ткани, сел на него и исполнил харакири – так, как это делают самураи. И душа его вошла в дерево и заставила сакуру зацвести в тот же час.

С этих самых пор каждый год сакура цветет в шестнадцатый день первого месяца, даже если холодно и падает снег.

Сон Акиносукэ

В провинции Ямато, в округе Тончи, давным-давно жил человек по имени Мията Акиносукэ. По рождению он принадлежал к *госи*²².

В саду Акиносукэ рос огромный и очень старый кедр. Под ним хозяин любил отдохнуть в теплые дни. Однажды после полудня – было довольно жарко – он сидел под своим кедром с двумя друзьями, такими же *госи*, как и он. Они болтали и пили вино, когда внезапно хозяин почувствовал неодолимую дремоту – причем захотел спать так сильно, что попросил друзей извинить его за то, что он приляжет вздремнуть в их присутствии, лег у подножия дерева и увидел сон.

Ему снилось, что он отдыхает под своим деревом в саду и видит процессию – огромную вереницу слуг, подобную свите сиятельного даймё, спускавшуюся с ближнего холма. Он даже встал, чтобы получше рассмотреть ее. Шествие, которое он наблюдал, было куда внушительнее тех, что ему доводилось видеть прежде, и оно приближалось к его дому. В голове процессии множество молодых людей в хороших одеждах тянули за собой богато изукрашенный лакированный экипаж, щедро задрапированный ярко-синим шелком, – настоящий дворец – прежде их называли *госё-гурума*. Когда процессия приблизилась к дому, экипаж остановился и из него вышел богато одетый человек, вероятно высокого положения. Он подошел к Акиносукэ, низко поклонился и сказал:

– Благородный господин, перед вами *кэрай* – вассал Кокуо из Токоё. Мой повелитель, наш король, приказал мне приветствовать вас от его имени. По его указанию я поступаю в полное ваше распоряжение. Он также поручил мне сообщить свое августейшее желание видеть вас у себя во дворце. Будьте так любезны не мешкая взойти в этот благородный экипаж, который он послал специально для вас.

Услышав эти слова, Акиносукэ хотел дать подобающий случаю ответ, но был так удивлен и взволнован, что не смог говорить. В тот же момент воля, казалось, покинула его. Единственное, что он мог делать, – выполнять то, что ему говорил *кэрай*. Он вошел в экипаж, *кэрай* занял место подле него, и путешествие началось.

К удивлению Акиносукэ, оно не заняло много времени. Вскоре экипаж остановился перед огромными, в китайском стиле двухэтажными воротами. Никогда прежде таких он не видел. «Я иду объявить о вашем прибытии», – сказал *кэрай* и ушел. Очень скоро Акиносукэ увидел, что из ворот вышли два человека благородного вида, одетые в пурпурные шелковые одежды. На них были высокие головные уборы, которые указывали на особое положение при дворе. Эти люди с уважением приветствовали его и помогли выйти из экипажа, а затем повели через огромный сад к входу во дворец, фасад которого, как показалось ему, простирается на запад и восток на целую милю. Потом Акиносукэ очутился в зале для приемов, размер и убранство которого поражали. Проводники отвели его на почетное место, а сами скромно присели в стороне, в то время как девушки-служанки в церемониальных костюмах поднесли ему освежающие напитки. Когда Акиносукэ отведал напитков, двое в пурпурных одеждах низко склонились перед ним и обратились со следующими словами, причем в соответствии с дворцовым этикетом каждый из них произносил по очереди лишь часть фразы:

- Теперь наша благородная обязанность известить вас...
- О причине вашего появления здесь...
- Король, наш господин, выразил августейшее желание, чтобы вы стали его зятем...
- Его желание и повеление таково, что вы женитесь сегодня...

²² *Госи* — привилегированный класс солдат – свободных земледельцев, существовавший в Японии в эпоху феодализма; отдаленным аналогом могут служить английские йомены периода Средних веков.

- На августейшей принцессе, его юной дочери...
- Мы вскоре введем вас в тронный зал...
- Где его величество уже ожидает вас...
- Но прежде необходимо, чтобы мы вас переодели...
- В соответствующую церемонии одежду.

Закончив свою речь, сопровождающие одновременно поднялись и проследовали к нише, в которой стоял большой позолоченный лакированный ларь. Они открыли его и достали разные одежды, пояса из богатого материала и *камури* – особый королевский головной убор. Все это они надели на Акиносукэ, отчего тот превратился в настоящего принца. Затем они проводили его в другой зал, где он увидел самого Кокуо из Токоё, восседавшего на *дайдза* – специальном возвышении, приличном для августейшего правителя. На нем были желтые шелковые одежды. Головной убор был черного цвета, свидетельствовавшего о высоком государственном положении. Перед дайдза, слева и справа от него, во множестве расположились сановники – неподвижные и торжественные, словно статуи в храме. Акиносукэ, пройдя между ними, приветствовал властителя традиционным тройным поклоном. Король милостиво с ним поздоровался и затем произнес:

– Вас уже уведомили о причине, по которой вы были призваны к нам. Мы решили, что вы должны стать мужем нашей единственной дочери. Сейчас будет проведена свадебная церемония.

Едва король закончил говорить, заиграла веселая музыка и из-за занавесей вышла процессия красивых придворных дам: они проводили Акиносукэ в комнату, где его ожидала невеста.

Размеры комнаты поражали, но она с трудом могла вместить гостей, собравшихся, чтобы стать свидетелями свадебной церемонии. Все склонились ниц перед Акиносукэ, когда он занял свое место напротив принцессы на приготовленной для него подушке. Невеста была божеественно прекрасна, а ее одежды по красоте своей сравнимы с летними небесами. Свадьба прошла весело и радостно. После этого пару проводили в покои, приготовленные для них в другой части дворца. Здесь они принимали поздравления от многих благородных персон и бесчисленные свадебные подарки.

Несколько дней спустя Акиносукэ вновь вызвали в тронный зал. На этот раз его приняли еще любезнее, нежели прежде, и король сказал ему:

– В юго-западной части наших владений есть остров Райсю. Мы назначаем вас правителем этого острова. Обитатели его – люди лояльные и послушные, но законы этого острова не приведены в соответствие с законами Токоё, а местные обычаи не упорядочены должным образом. Мы налагаем на вас обязанность улучшить, насколько это возможно, тамошнее общественное положение и выражаем желание, чтобы вы правили там милостиво и мудро. Все приготовления, необходимые для путешествия к Райсю, уже сделаны.

Так Акиносукэ и его жена покинули дворец Токоё. В сопровождении большой свиты из знати и чиновников они прибыли на побережье, где поднялись на борт судна, которое им предоставил повелитель. Благоприятные ветры доставили их к Райсю, а там встретили лучшие люди острова, собравшиеся на берегу для приветствия.

Акиносукэ сразу приступил к исполнению своих новых обязанностей – они не были слишком трудными. В течение первых трех лет правления он занимался в основном уточнением и улучшением законов. У него были мудрые советники, которые помогали во всем, и поэтому он никогда не полагал свою работу неприятной. Когда с этими делами он разобрался, обязанности его стали еще менее обременительными – они сводились к участию в обрядах и церемониях, предусмотренных древними традициями. Климат этой страны был настолько здоровым, а земли так плодородны, что болезни и нужда здесь были неведомы, а народ был

настолько добронравен, что законы не нарушались. Акиносукэ жил и управлял островом еще двадцать три года, и на протяжении их печаль ни разу не омрачила его чело.

Но на двадцать четвертом году его правления пришло к нему большое горе: жена, которая родила ему семерых детей – пять мальчиков и двух девочек, – внезапно заболела и умерла. Похороны прошли с подобающей положению усопшей пышностью. Ее погребли на вершине живописного холма в районе Ханрёко, а на могиле установили роскошный памятник. Но Акиносукэ испытывал такую глубокую скорбь по поводу ее смерти, что больше не хотел жить.

Когда положенный срок траура закончился, на Райсю из королевского дворца прибыл посыльный. Он доставил Акиносукэ августейшее письменное соболезнование и сказал ему:

– Вот слова, которые наш августейший монарх, властитель Токоё, приказал передать вам, и я передаю их дословно: «Теперь мы отсылаем вас назад – в вашу страну к вашему народу. Что касается семерых детей, то, поскольку они являются внуками и внучками монарха, о них будут должным образом заботиться. Поэтому не обременяйте свой разум беспокойством о них».

Получив данное предписание, Акиносукэ стал незамедлительно готовиться к отъезду. Когда все дела были завершены, церемония прощания с советниками и доверенными чиновниками состоялась, его с большим почетом проводили в порт. Там он погрузился на посланное за ним судно. Оно вышло в синее море под голубыми небесами, и очертания самого острова Райсю стали синими, затем серыми, а потом навсегда исчезли... А потом Акиносукэ внезапно проснулся под кедровым деревом в собственном саду!

Некоторое время он, ошеломленный, пребывал в оцепенении. Друзья все так же сидели подле него – они пили вино и весело болтали. Он в изумлении посмотрел на них и воскликнул:

– Как странно!

– Акиносукэ, должно быть, приснился сон, – со смехом сказал один из них. – Что такое вы увидели, Акиносукэ, что вас так озадачило?

Тогда Акиносукэ пересказал им свой сон – видение о двадцатитрехлетнем пребывании в государстве Токоё на острове Райсю. Их это очень удивило, потому что в действительности он проспал едва ли дольше нескольких минут. Один из госи сказал:

– Действительно, вам снились странные вещи. Но и мы наблюдали нечто странное, пока вы дремали. Мы видели, как некоторое время над вашим лицом порхала маленькая желтая бабочка. Затем она уселась на землю подле вас. Почти сразу же из отверстия в земле выполз очень большой – просто гигантский – муравей, схватил бабочку и утащил ее к себе в нору. А перед самым вашим пробуждением мы видели, как та же самая бабочка появилась из отверстия в земле и, как прежде, запорхала над вашим лицом. А затем внезапно исчезла – мы не знаем, куда она делась.

– Вероятно, это была душа Акиносукэ, – сказал другой госи. – Мне кажется, я видел, что она залетела ему в рот... Но даже если бабочка – это душа Акиносукэ, сей факт не объясняет его сон.

– Муравьи могут объяснить, – сказал первый из собеседников. – Муравьи – необычные существа. На самом деле они, возможно, гоблины. Как бы там ни было, под этим кедром есть муравейник, а в нем живут те самые большие муравьи.

– Давайте посмотрим! – воскликнул Акиносукэ, весьма взволнованный этим предположением, и отправился за лопатой.

Земля вокруг кедра самым причудливым образом была изрыта ходами и норами огромной колонии муравьев. Внутри ее они отстроили крошечные сооружения из травинки, стеблей и глины, которые напоминали миниатюрные города. В середине муравейника находилось сооружение значительно большее по размеру. Здесь множество мелких муравьев суежились вокруг тела одного очень большого муравья, у которого были желтоватые крылья и большая, удлиненной формы черная голова.

– Это, должно быть, король из моего видения! – вскричал Акиносукэ. – И он во дворце Токоё!.. Поразительно!.. Райсю должен находиться к юго-западу от него – то есть, видимо, слева от того большого корня... Да! Он здесь! Как это странно! Теперь я даже уверен, что смогу отыскать гору Ханрёко и могилу принцессы...

Он пристально вглядывался в разрушенный муравейник и наконец отыскал крошечную насыпь, на вершине которой была установлена отшлифованная водой галька. По форме она напоминала буддийский надгробный памятник. Под ним Акиносукэ обнаружил глиняный саркофаг, а в нем трупик самки муравья.

Рики-Бака

Его звали Рики. Это имя означает «сила», но люди звали его по-другому: Рики-простак или Рики-дурачок, потому что он был рожден, чтобы всю жизнь оставаться ребенком. По этой причине люди были добры к нему – даже когда он поджег дом, поднеся горящую спичку к занавеси, и хлопал в ладоши в восторге от языков пламени. В шестнадцать лет он был высоким, сильным юношей, но разумом оставался счастливым двухгодовалым малышом и поэтому продолжал играть с самыми малыми детьми. Соседские детишки от четырех до семи лет не играли с ним, потому что он не мог запомнить их игры и заучить их песни. Его любимой игрушкой была палка от метлы, которую он использовал как игрушечного коня. Оседлав ее, он часами носился вверх и вниз по склону напротив моего дома, оглашая округу счастливым радостным смехом. Но в конце концов шум от его игр стал мне слишком докучать, и я был вынужден сказать, чтобы он поискал иное место для своей забавы. Рики покорно подчинился и ушел, с грустью волоча за собой палку. Всегда кроткий и совершенно безобидный (если не разрешать ему играть с огнем), он редко давал повод для жалоб. Его участие в жизни улицы было совсем незаметно – едва ли бóльшим, нежели у местной собаки или кошки, и, когда он однажды исчез, я не вспоминал о нем. Много месяцев прошло, прежде чем я вспомнил о Рики.

Поводом к тому стала встреча со старым лесорубом, который снабжал всю нашу округу дровами. Я увидел его и припомнил, что Рики частенько помогал ему подносить вязанки хвороста. Я спросил:

– Что приключилось с Рики?

– С Рики-Бака? – переспросил старик. – А... Рики умер, бедолага... Да... Он умер с год тому назад, и совершенно внезапно. Доктора сказали, что у него была какая-то болезнь в голове. А теперь с этим несчастным Рики приключилась необычная история. Когда он умер, – продолжал старик, – его мать написала у него на левой ладони «РИКИ-БАКА» – его имя. «РИКИ» написала иероглифом на китайский манер, а «БАКА» – по-японски, на *кана*²³. А затем много молилась за него – очень просила, чтобы он родился заново и это рождение было счастливее прежнего.

И вот не так давно – три месяца, может, тому назад – в Кодзимати, в резиденции благородного Нанигаси-сама, родился мальчик. И на ладони левой руки у него иероглифы – тут не ошибешься, они легко читаются: «РИКИ-БАКА».

Люди из того дома знали, что рождение это случилось в ответ на чью-то молитву, и принялись повсюду расспрашивать об этом. Наконец один торговец овощами дал им зацепку – он сказал, что в квартале Исигомэ жил парнишка по имени Рики-Бака, а прошлой осенью умер. Они послали двух слуг разыскать мать Рики.

Слуги нашли женщину и рассказали ей о том, что произошло. Она была рада известию: ведь дом Нанигаси очень уважаемый и богатый. Но слуги сказали, что семья Нанигаси-сама разгневана словом «Бака» на ладони ребенка. «Где похоронен ваш Рики?» – спросили они. «Его похоронили на кладбище Дзэндодзи, – ответила мать. «Разрешите нам взять немного глины с его могилы», – попросили слуги. Тогда она пошла с ними к храму Дзэндодзи, показала им могилу Рики, и они взяли с нее немного глины, завернули ее в *фуросики*²⁴ и дали матери Рики денег – десять иен...²⁵

²³ В японском языке используются три основные системы письма: *кандзи* – иероглифы китайского происхождения и две слоговые азбуки, созданные в Японии: *хирагана* и *катакана* (*кана*). То есть текст был написан в соответствии со слоговой системой письма.

²⁴ *Фуросики* (фуроси) – лоскут шерстяной ткани, обычно квадратной формы. Используется в качестве обертки для переноски предметов небольшого размера.

²⁵ Значительная по тем временам сумма денег.

– Но зачем им понадобилась эта глина? – удивился я.

– Ну, – отвечал старик, – это нужно для того, чтобы ребенок не рос с этим именем на ладони. И в таком случае, как этот, нет вернее средства: чтобы вывести иероглифы, нужно тереть кожу глиной, взятой с могилы, где помещается тело, в котором душа обитала в своей прошлой жизни...

Подсолнух

На склоне лесистого холма за нашим домом мы с Робертом ищем ведьмины круги. Роберту уже восемь. Он благоволит мне и очень умный. Мне едва минуло семь, и я обожаю Роберта. Августовский день – погожий и прозрачный; теплый воздух наполнен сладковато-острым ароматом сосновой смолы.

Мы не нашли ведьминых кругов – только великое множество сосновых шишек в высокой траве... Я рассказываю Роберту старую ирландскую легенду, в которой один человек беспечно улегся спать на землю, не подозревая, что находится внутри такого круга, и заснул на целых семь лет. А когда друзья все-таки расколдовали его, не мог ни есть, ни говорить.

– Да они только с острие иголки, – говорит Роберт.

– Кто? – спрашиваю я.

– Гоблины, – отвечает Роберт.

Это откровение наполняет все мое существо немым удивлением и погружает в глубокое благоговение.

– Смотри-ка, арфист! Он идет к дому!

И с холма мы бежим вниз, чтобы послушать арфиста. Но боже! Что же это за арфист! Он совсем не похож на сказителей из книжки с картинками. Какой-то бродяга: смуглый, крепкий, неопрятный, с черными спутанными волосами, глаза хмуро сверкают из-под густых черных бровей. Он скорее похож на странствующего каменщика, нежели на барда.

– Интересно, он будет петь на валлийском? – бормочет Роберт.

Я слишком обескуражен, чтобы что-то сказать в ответ. Между тем бродячий сказитель пристраивает свою арфу – изрядной величины инструмент – на пороге нашего дома и с размаху ударяет по его струнам своими грязными пальцами, с сердитым рычанием прочищает голос и начинает песню:

Поверь, я не могу представить, что эта красота
Обречена растаять, исчезнув без следа...

Все в этом человеке – и акцент, и манеры, и голос – буквально заставило меня задохнуться от возмущения! Все в нем было пошло и неправильно!

Мне захотелось закричать: «Ты не имеешь права петь эту песню!»

Поскольку я слышал ее из уст самого дорогого и чудесного в моем маленьком мире человека, то не понимал, как этот грубый и неопрятный бродяга может петь ее. Мне чудилась в этом насмешка – она приводила в бешенство! Но едва отзвучал первый куплет, мое возмущение улетучилось. Голос певца поразительным образом переменялся и зазвучал глубоко, свободно, мелодично, и у меня перехватило горло от восторга. Что за волшебством он владел? Что за секрет он знал – этот хмурый бродяга? О! Да сыщется ли в целом свете еще кто-то, кто бы мог спеть так же? И фигура певца, и очертания предметов вокруг – дома, лужайки – размываются, подрагивают и плывут передо мной. Но инстинктивно я боюсь этого человека – я почти ненавижу его и чувствую, что весь пылаю гневом и стыдом за то, что он сумел сделать со мной...

– Он заставил тебя плакать, – с сочувствием произносит Роберт, и его замечание повергает меня в еще большее смятение чувств.

Тем временем бард, став богаче на шесть пенсов, уже уходит со двора. Он даже спасибо не сказал за деньги.

– Все-таки он, должно быть, цыган, – продолжает Роберт. – Цыгане – плохие люди. Они колдуны. Давай вернемся в лес.

Мы снова лезем на холм, возвращаемся к соснам, сидим в высокой траве, пронизанной солнечными бликами. Но играть уже не хочется: магия звуков пения еще владеет нами...

– А может быть, он гоблин? – наконец отваживаюсь я спросить. – Или эльф?

– Нет, – отвечает Роберт, – всего лишь цыган. Но они ничем не лучше. Ты знаешь, они ведь крадут маленьких детей...

– А что нам делать, если он поднимется сюда, к нам? – Мне страшно – место пустынное.

– Нет, не посмеет, – отвечает Роберт. – Днем такого они не делают, ты знаешь...

[Только вчера рядом с деревней Таката я заметил цветок, который японцы называют «химавари» – подсолнух. «И, как подсолнух...» – даже через бездну сорока прошедших лет меня вновь настигает волшебный голос бродячего барда:

И, как подсолнух, что цветком вослед земному движется светилу,
Она, не отрывая глаз, следит за божеством своим...

И вновь я вижу блики солнца на том далеком холме в Уэльсе; и Роберт снова стоит подле меня – у него нежная девичья кожа и золотистые локоны. Мы искали ведьмины круги... Роберт с тех пор, должно быть, сильно изменился. Его одаренная натура расцвела и явила нечто яркое, значительное, необычное – мне и не узнать его теперь... Я люблю его, как и прежде: жизнь бы за него отдал... А ведь в том и есть высшее проявление любви – когда жертвуешь жизнью за друга...]

Хорай

Голубое видение глубины, теряющейся в высоте, – море и небо, перетекающие друг в друга в мерцающем тумане. Весенний день, утренний час...

Только небо и море – лазурная безбрежность... Ближе рябь воды ловит серебристый свет, тонкие струйки пены кружат в водоворотах. Но чуть дальше уже не видно движения и цвета неразличимы: только неясная голубизна теплой воды, убегающая вдаль, чтобы расплавиться в синеве воздуха. Там нет горизонта: только даль, уходящая в бесконечность, только необъятная вогнутая поверхность где-то далеко впереди да сильно выгнутая над вами и цвет, густеющий в высоте. Но где-то в середине этой легкой синевы различимо едва видимое очертание башенок дворца с высокими крышами – рогатыми и изогнутыми некий призрак древней красоты, мягко подсвеченный солнечными лучами, приглушенными, как древняя память.

То, что я попытался описать, – *какэмоно*: японская живопись на шелке. Она висит на стене в моей спальне. Картина называется «Синкиро», что означает «мираж». Но очертания миража вполне вняты. Это мерцающие врата священного Хорая, а луноподобные крыши – это кровли дворца Короля-Дракона. По явленной архитектурной манере (хотя написана картина совсем недавно кисточкой японского мастера) угадывается древняя стилистика – более чем двухтысячелетней давности.

В китайских книгах того времени много говорится об этом месте.

В Хорae нет ни смерти, ни боли. Там нет зимы. Там всегда цветут цветы и зреют плоды. Если однажды вкусить от тех плодов, то никогда уже не придется изведать жажду и голод. В Хорae растут волшебные растения *со-рин-си*, *рику-го-ои* и *бан-кон-то* – они исцеляют любые недуги, и еще там растет другая волшебная трава – *ё-син-си*, которая оживляет мертвых. Чудесную траву орошает волшебная вода, единственный глоток которой дарует вечную юность. Обитатели Хорая вкушают рис из очень-очень маленьких плошек, но рис никогда в них не иссякает, сколько бы его ни ели, и так до тех пор, пока тот, кто ест, не насытится. И вино жители Хорая пьют из очень-очень маленьких чашек; но нет человека, что способен осушить чашку, с какой жадностью бы он ни пил – до тех пор, пока не снизойдет на него приятная дремота опьянения.

Обо всем этом и еще о многом повествуется в легендах из эпохи династии Цин. Но в то, что люди, записавшие эти легенды, видели когда-нибудь Хорай – даже его мираж, – поверить невозможно. На самом деле ведь не существует ни магических плодов, что насыщают человека навсегда, ни травы, что воскрешает мертвых, ни плошек, где никогда не кончается рис, ни чаш, в которых не иссякает вино. Неправда, что скорбь и смерть никогда не посещают Хорай, как неправда и то, что там не бывает зимы. Зима в Хорae холодная – ветер пронизывает до костей и громоздит сугробы на кровлях Короля-Дракона.

Тем не менее в Хорae существуют удивительные вещи. И самая замечательная из них не упомянута ни одним китайским автором. Я имею в виду атмосферу Хорая. Она необыкновенная, поскольку солнечный свет сияет там совершенно по-особенному – молочно-белый, он никогда не слепит; удивительно чистый, но очень мягкий. Сам воздух там не человеческий и поразительно древний – я даже пугаюсь, когда пытаюсь вообразить, насколько безумно он стар. Этот воздух отнюдь не смесь азота и кислорода. Его образуют не газы – он соткан из призраков, из субстанций квинтиллионов и квинтиллионов поколений душ, смешанных в одну безграничную полупрозрачность, насыщенную духовными сущностями людей, которые думали совсем не так, как думаем мы. Кто бы из смертных ни вдохнул этот воздух, его кровь начинает вибрировать в унисон с этими бесчисленными духами; они меняют чувства внутри – изменяя представления о пространстве и времени – таким образом, что теперь человек может видеть так, как видели те люди, и чувствовать так же, и думать точно таким же образом. Изменения

эти мягкие – как сон, и объяснить их можно так: поскольку в Хорае неведомо знание великого зла, людские сердца здесь не стареют. И потому всегда молодые сердцем обитатели Хорая улыбаются от рождения до смерти. Только тогда, когда боги посылают им горе, они прячут свои лица – до тех пор, пока горе не уйдет. Жители Хорая любят и доверяют друг другу – как члены одной семьи. Женская речь там подобна пению птиц, потому что сердца легки, как птичьи души. Движения рукавов резвящихся девушек напоминают взмахи широких, мягких крыльев. Кроме печали, ничто не сокрыто в Хорае, потому что там не знают стеснения. Там нет запертых дверей, ибо там нет воровства. Так же как и днем, ночью ворота остаются открытыми, потому что нет причин чего-нибудь опасаться. Хотя те, кто обитает там, смертны, они все равно волшебные миниатюрные создания, и, кроме дворца Короля-Дракона, все предметы в этой стране маленькие, необыкновенные и загадочные. И этот волшебный народец действительно ест из очень-очень маленьких плошек и пьет вино из очень-очень маленьких чашечек...

Большей частью видение это возникло благодаря вдыханию той самой призрачной атмосферы – но не только. Чары мертвых – лишь восхищение идеалом, обаяние древней надежды. И что-то из этой надежды нашло воплощение во многих сердцах – в простой красоте безыскусной жизни, в сладости женщины...

Злые ветры с запада дуют над Хораем. И волшебная атмосфера, увы, улетучивается под их напором. Теперь она только на лоскутах и тесьме – как та яркая вереница облаков, что окаймляют пейзажи японских живописцев. В лоскутьях этого волшебного тумана еще можно разглядеть Хорай, но уже не везде... Не забывайте, что Хорай также называют Синкиро, что означает «мираж» – видение неосязаемого. И видение блекнет, постепенно исчезая, чтобы уже никогда не проявиться вновь, оставшись в картинах, стихах и сновидениях...

Карма и другие истории

Из сборника «Karma and Other Stories & Essays», 1921

Мальчик, который рисовал кошек

Много-много лет тому назад в маленькой деревушке в горах жил бедный крестьянин с женой. Они были очень хорошими людьми, но им с великим трудом удавалось прокормить своих детей. Впрочем, старший от природы был наделен физической силой и уже в четырнадцать лет стал отличным помощником отцу, а дочери, едва научившись ходить, всю помогали матери.

Лишь младший сын, похоже, не был способен к тяжелой работе. Но он был очень умен – куда умнее своих старших братьев и сестер, однако так мал и слаб, что люди сокрушались и говорили, что он никогда не вырастет. Поэтому родители решили: будет лучше, если он станет священником, а не крестьянином. И вот однажды они отвели своего младшего в деревенский храм и попросили старого священника взять мальчугана к себе и выучить всему, что надлежит знать монаху.

Старик поговорил с мальчиком. Задал ему несколько сложных вопросов. Тот ответил, и священник, убедившись, что ребенок смысленный, согласился взять его в храм служкой и обучать.

Мальчуган быстро выучился всему, чему учил его старый монах. К тому же он был очень послушным. Во всем, кроме одного. Во время уроков ему нравилось рисовать кошек, и он их рисовал даже тогда, когда ему не следовало этого делать.

Впрочем, рисовал он их и когда оставался в одиночестве. Он рисовал кошек на полях книг священника, на экранах и ширмах в храме, на стенах и на балках свода. Несколько раз старик говорил ему, что тот поступает неправильно. Но мальчик не перестал изображать кошек. У него был талант, но талант художника. По этой причине он не очень подходил на роль послушника – хорошему послушнику следует изучать книги, а не разрисовывать их.

Однажды, после того как на бумажной ширме появилось несколько новых замечательных рисунков, священник сказал сурово:

– Мальчик! Ты должен оставить храм немедленно. Из тебя не выйдет хорошего священника. Хотя, вполне возможно, из тебя получится большой художник. А теперь разреши мне дать тебе последний совет. Думаю, ты никогда его не забудешь. *Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких!*

Ребенок не знал, что старик имел в виду, говоря: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких». Он думал и думал, увязывая свои невеликие пожитки в узел и собираясь в дорогу, но так ничего и не смог придумать, а спросить монаха не решился – смелости хватило только на то, чтобы вымолвить: «Прощайте».

Он покинул храм в большой скорби и принялся размышлять, что делать дальше. Если пойдет домой, то отец накажет его за непослушание; он побоялся возвращаться. Но тут он вспомнил, что в соседней деревне – примерно в двенадцати милях – есть большой храм. И он подумал: а что, если отправиться туда и попросить монахов принять его в послушники?

Но храм закрыли (мальчик не знал этого), потому что в нем поселился гoblin, – монахи испугались и разбежались, и теперь демон владел этим местом. Несколько храбрых воинов пытались победить и убить чудовище – они оставались в храме на ночь, но живыми их уже больше не видели. Никто не рассказал об этом мальчику, и он отправился в свой путь в надежде, что найдет приют.

Когда он добрался до деревни, тьма давно сгустилась и все жители уже спали. Но паренек увидел храм, что возвышался на холме, и в нем горели огни. Идти было нужно прямо по главной дороге деревни, и он пошел. Те, кто рассказывал эту историю, утверждали, что гoblin специально зажигал на ночь лампы в храме, с тем чтобы одинокие путники искали в нем приют. Мальчик подошел к храму и постучал в ворота. Но никто не отозвался. Он посту-

чал еще раз, но к воротам никто не подошел. Наконец он решился тихонечко толкнуть дверь и, к своей радости, обнаружил, что она не заперта. Так он вошел внутрь. Лампы горели. Но монахов внутри не было.

Он подумал, что кто-нибудь из священнослужителей обязательно скоро появится, уселся на пол и принялся ждать. Потом он заметил, что все в храме густо покрыто пылью и паутиной, а пол грязный. Про себя он подумал, что монахи обязательно возьмут его в прислужники – ведь кто-то должен здесь убираться и все начищать. Он было принялся размышлять, почему все кругом находится в таком запустении, но ничего не придумал. Зато он обратил внимание, что повсюду в храме стоят ширмы и развешены бумажные экраны. Это порадовало его – на них можно нарисовать много кошек. Хотя он устал, но мысль вдохновила его, и маленький художник взглядом принялся искать ящик для письменных принадлежностей, а когда нашел, открыл его, достал кисточку, чернила и взялся рисовать кошек.

Он рисовал и рисовал – на ширмах, экранах – и нарисовал их великое множество. А затем устал, и ему очень захотелось спать. Он было устроился подле одного из разрисованных им экранов и стал засыпать, когда вдруг вспомнил слова старого учителя: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких!»

Храм был огромен. И совершенно пуст – в огромном зале мальчик был один. Он задумался над тем, что ему сказал монах, и, хотя он не понимал, что означают его слова, первый раз за все время немного испугался. И принялся разыскивать *маленькую комнату*, чтобы устроиться на ночь там. Через недолгое время он обнаружил такое помещение – небольшую комнату, отделенную от храмового зала раздвижной дверью. Он открыл ее, вошел внутрь и запер за собой на засов. Затем лег на пол и быстро уснул.

Поздно ночью его разбудил ужасный шум – он слышал звуки схватки и чудовищные пронзительные крики. Было так страшно, что мальчуган даже не решился посмотреть в щелку, что происходит в храмовом зале, не то что выглянуть из своего убежища. Он лежал совсем тихо, забившись в угол, и даже затаил дыхание от ужаса.

Он видел, что горевшие в зале лампы внезапно погасли и наступила тьма, но ужасные звуки продолжались, затем они стали даже еще громче, и весь храм заходил ходуном. Как долго все продолжалось, мальчик не знал, но вдруг опустилась тишина. Он был так напуган, что даже не пошевелился. И так лежал недвижим до тех пор, пока лучи утреннего солнца не проникли сквозь щели в его каморку.

Тогда – очень осторожно – он выполз из своего убежища и заглянул в зал храма. Первое, что он увидел, – весь пол был густо залит кровью. А затем обнаружил, что в самом центре зала лежит огромная, чудовищных размеров крыса. Это был гоблин – в таком обличье он существовал. Но размерами своими он превосходил быка, и он был мертв.

Но кто или что убило его? Ни единого человеческого существа, ни иного создания мальчик не видел – ни души кругом. Внезапно ребенок обнаружил, что кошки, которых он рисовал накануне вечером, изменились: у каждой пасть и клыки были окрашены кровью. Тогда он догадался, что демона растерзали они – кошки, которых он нарисовал. И мальчик понял, какой удивительной мудростью обладал его старый учитель, как он был прозорлив и почему на прощание сказал: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких».

А потом – много позднее – мальчик стал знаменитым художником. Некоторых из его удивительных кошек до сих пор можно увидеть на старых японских полотнах.

Гоблин-паук

В древних книгах говорится, что в свое время в Японии обреталось немало гоблинов в обличье пауков.

В народе, правда, говорят, что и теперь иной раз можно встретить гоблина-паука. В дневное время они ничем не отличаются от обычных пауков. Но с приходом ночи, в самую глухую пору, когда все вокруг засыпает и не слышно ни звука, происходит метаморфоза – они вырастают, становятся огромными и совершают ужасные вещи. Гоблинам-паукам приписывают также магическую способность принимать человеческое обличье, чтобы обманывать людей. И вот вам известная японская легенда о таком пауке.

Давным-давно в одной из отдаленных малонаселенных частей страны стоял заброшенный храм. Никто в нем не жил и не служил, потому что им завладел гоблин. Много отважных самураев в разное время приходило туда сразиться с ним, но ни одному из них не суждено было вернуться назад, после того как они входили в храм.

Наконец однажды у стен храма появился воин. Он был известен не только своей отвагой, но и благоразумием. Он решил провести ночь в храме. И сказал тем, кто сопровождал его:

– Если к утру я буду еще жив, я ударю в колокол храма.

Затем он повелел оставить его в одиночестве, вошел внутрь и зажег фонарь.

Внутри он огляделся, но, кроме густо покрытой пылью статуи Будды над алтарем, ничего не увидел. Он присел подле. Ночь шла, но ничего не происходило. Но вот минула полночь. И тогда появился гоблин: у него был только один глаз и половина тела. Он произнес: «Хитокусай!» Что означает: «Чувствую человеческий запах». Но самурай никак не отреагировал. Он сидел неподвижно – даже не шелохнулся. Гоблин исчез.

Минуло какое-то время. И в храме появился монах. Он принес с собой *сямисэн*²⁶ и принялся играть. Играл так замечательно, что самурай понял – человек *так* играть не может. Тогда он вскочил и обнажил свой меч. При виде его святой человек рассмеялся и спросил:

– Ты что, подумал, что я гоблин? О нет. Я всего лишь священник этого храма. Я дал обет изгнать гоблинов отсюда и потому должен играть. Как ты находишь, хорошо ли звучит инструмент? Будь добр, попробуй его сам – поиграй...

С этими словами он протянул *сямисэн* самураю. Тот был осторожен и потому взял предмет левой рукой. Но едва та коснулась деки, как *сямисэн* тут же превратился в тенета, а священник – в гигантского паука. Левую руку стянули прочные нити и приковали к телу. Но правая рука была свободна, и воин сражался отважно. Он сумел достать паука и ранил его. Однако тот продолжал опутывать воина паутиной, и настал момент, когда самурай уже совсем не мог шевелиться и сопротивляться.

Но тут взошло солнце. Едва первые лучи коснулись паука, тот бросился наутек. Слуги не дождались удара колокола, но не мешкая вошли в храм. Они обнаружили своего господина живого, но обездвиженного, стянутого нитями чудовищной паутины. И освободили его. А затем увидели, что по полу тянется кровавый след. Проследив, обнаружили, что он покидает храм, стелется по траве и исчезает в норе – в заброшенном саду поблизости. Слуги подошли к отверстию и услышали, как оттуда доносятся ужасные стоны. Люди раскопали нору и обнаружили паука. Тот был ранен. И тогда они убили его.

²⁶ *Сямисэн* – старинный японский щипковый инструмент сродни мандолине или домре.

История о женщине, которая потеряла клетку из рисовой муки

Давным-давно жила-была забавная немолодая женщина, которая очень любила посмеяться и обожала готовить клетки из рисовой муки.

Однажды, когда она готовила очередную порцию клеток на обед, одна из них выскользнула из рук и упала, а затем покатилась и исчезла в дыре в полу. Надо сказать, пол в маленькой кухоньке был земляной, но дыр прежде она там не замечала. И вот такая беда! Женщина попыталась достать клетку из отверстия – сунула туда руку, и... земля разверзлась, и пожилая женщина провалилась внутрь.

Она падала довольно долго, но совершенно не пострадала и даже не ушиблась. А когда встала и отряхнулась, обнаружила, что стоит на дороге – почти такой же, что проходит подле ее дома. Было светло, и она увидела, что вокруг расстилаются рисовые поля; но они были пусты – работающих крестьян не было. Объяснить, что с ней случилось и куда она попала, я не берусь. Но похоже на то, что пожилая женщина угодила в какую-то другую страну.

Дорога, на которой она очутилась, спускалась с крутого холма; потому, оглядевшись в поисках пропавшей клетки и не обнаружив ее, она подумала, что та скатилась вниз по дороге. И женщина поспешила вниз по склону. Она не только оглядывалась по сторонам в поисках пропажи, но и громко причитала при этом:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

Некоторое время спустя она заметила, что у дороги стоит камень, а на нем – статуя *Дзидзо*, покровителя путников. Женщина поспешила к нему и спросила:

– О господин Дзидзо, ты видел мою клетку?

Покровитель путников ответил:

– Да, я видел, как твоя клетка катилась вниз по дороге. Но лучше тебе не ходить дальше, поскольку там живет ужасный *они*²⁷, а он очень любит кушать людей.

Но женщина только рассмеялась и поспешила вниз по дороге, продолжая кричать:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

И так она добралась до следующей статуи покровителя странствующих и снова спросила:

– О добрый господин Дзидзо, ты не видел мою клетку?

И тот ответил:

– Да, некоторое время назад я видел твою клетку. Но тебе не стоит идти дальше, потому что там, внизу, обитает страшный *они*, а он ест людей.

Но она только рассмеялась в ответ и побежала дальше вниз, продолжая кричать все громче:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

Так она добралась до третьей статуи и снова спросила:

– О дорогой господин Дзидзо, ты тоже видел мою клетку?

Но покровитель путников отвечал:

– Перестань наконец говорить о своей клетке. Сюда идет *они*. Скорее спрячься в складке моего рукава. И пожалуйста, сиди очень тихо – не шуми.

Тем временем демон подошел совсем близко к статуе и произнес:

– Добрый день, Дзидзо-сан!

²⁷ *Они* (яп. #) – в японской мифологии демоны аналогичны нашим бесам и чертям. Обладают отвратительной внешностью: имеют черную, красную и голубую кожу, рога и клыкасты. Исключительно гневливы. Носят набедренную повязку; трудноубиваемы – отрубленные части тела прирастают на место. Несмотря на туповатый внешний вид, очень хитроумны; могут превращаться в людей. Предпочитают питаться человеческим мясом. Ненавидят мучное. Обитают главным образом в аду.

Покровитель путников ответил и очень вежливо пожелал демону доброго дня.

Затем они внезапно два или три раза глубоко потянул ноздрями воздух, подозрительно оглянулся по сторонам и закричал:

– Дзидзо-сан! Дзидзо-сан! Я чувствую запах человека. Он где-то здесь, поблизости. Не правда ли?

– О, ну что вы! – отвечал Дзидзо. – Наверно, вы все-таки ошибаетесь.

– Нет-нет! – вскричал демон и вновь потянул ноздрями воздух. – Я чувствую – пахнет человеком!

В этот самый момент пожилая женщина вдруг рассмеялась: «Хе-хе-хе!»

Они тут же отреагировали и, протянув огромную волосатую руку, достали из рукава статуи женщину, которая продолжала смеяться: «Хе-хе-хе!»

– Ого! Ха! – вскричал демон торжествующе.

Тогда Дзидзо спросил:

– Что вы собираетесь сделать с этой доброй пожилой женщиной?

И добавил:

– Вы должны по-настоящему быть добры к ней. Если это будет не так, я сильно разгневаюсь.

– Я совершенно не собираюсь причинять ей зло, – пообещал демон. – Я лишь хочу, чтобы она ежедневно стала делать для нас небольшую работу. Вот и все. До свидания, Дзидзо-сан!

Затем они подняли женщину на руки и пошел со своей ношей вниз по дороге. Так они шли и шли, пока дорогу не преградила широкая и глубокая река. Здесь их ждала лодка. Демон поместил женщину в лодку, влез сам и переправился через реку. На той стороне стоял его дом. Это был очень большой дом. Не мешкая он отвел женщину на кухню и попросил приготовить обед для него и для других демонов-они, что жили с ним. Он дал ей маленькую деревянную лопаточку и огромную миску.

– Вы должны взять одно рисовое зернышко и положить его в миску, – сообщил демон, – залить водой и помешивать этой лопаточкой. При каждом помешивании количество риса в миске будет удваиваться. Мешайте до тех пор, пока миска не наполнится.

Пожилая женщина так и поступила. Она взяла рисовое зернышко, положила в миску с водой и, как сказал ей демон, стала мешать лопаточкой: немедленно одно зернышко превратилось в два, два – в четыре, четыре – в восемь, восемь – в шестнадцать, затем их стало тридцать два, шестьдесят четыре и так далее. При каждом помешивании количество риса прибывало. Через несколько минут большая миска наполнилась доверху.

Минуло время. Женщина жила в доме демона и каждый день стряпала еду для него и для всех его друзей. Они, как и обещал, никогда не обижали и даже не пугали ее. С волшебной лопаточкой хозяйка управлялась споро, и потому работа ее была не тяжела, хотя готовить ей было нужно очень и очень много. Ведь демоны едят гораздо больше любого существа из плоти и крови.

Хотя женщина и обладала веселым нравом и была, как мы помним, весьма смешлива, но она чувствовала себя очень одиноко и сильно скучала по своему маленькому домику у дороги. Ей так хотелось вернуться обратно и снова заняться приготовлением любимых клецек из рисовой муки. И вот однажды, когда они и его друзей не было дома, она подумала, что ей стоит попробовать убежать.

Прежде всего женщина взяла волшебную лопаточку и спрятала ее у себя за поясом. После этого она выбежала из дома и бросилась к реке. Никто ее не заметил, и она не увидела никого. Лодка оказалась на месте – привязана к берегу. Беглянка забралась в нее, отвязала и принялась грести. Поскольку грести она умела, то скоро отплыла довольно далеко.

Но река была очень широкой. Едва ли женщине удалось одолеть и четверть пути до противоположного берега, как демоны – все вместе – вернулись домой.

Они сразу обнаружили, что их повариха сбежала, а волшебная лопаточка исчезла. Все сразу кинулись к реке и увидели женщину, которая гребла изо всех сил.

Вполне возможно, что плавать демоны не могли и потому всегда использовали лодку. Другой лодки у них не было. Поэтому оставался единственный выход – как можно скорее выпить в реке всю воду, пока беглянка не добралась до противоположного берега. Не мешкая они разом опустились на колени и принялись пить. Причем пили они так быстро, что река изрядно обмелела еще до того, как женщина достигла середины русла.

Но пожилая женщина продолжала усердно работать веслом, пока река не сделалась настолько мелкой, что они прекратили пить. Они поднялись с колен и пошли вброд – глубина потока уже позволяла им настичь беглянку таким образом. Увидев это, бывшая кухарка бросила весло, достала из-за пояса волшебную лопатку, помахала ею перед ними и принялась корчить рожи. Видимо, они получались очень смешными. А может быть, ей помогла волшебная лопаточка. Как бы там ни было, демоны не выдержали и расхохотались.

Но, смеясь – понятное дело! – они не могли удерживать в себе выпитую воду. Она хлынула из них обратно, и река наполнилась вновь. Плыть демоны не могли, они остановились, а веселая пожилая женщина благополучно добралась до противоположного берега, оставила лодку и что было духу припустила вверх по дороге.

И так она бежала без единой остановки до тех пор, пока не очутилась снова у себя дома.

Теперь она была счастлива: она могла заняться приготовлением своих любимых клецек в любое время, когда захочет. Кроме того, у нее была волшебная лопаточка, и потому она не испытывала недостатка в рисе для своих кулинарных нужд. Ко всему прочему женщина взялась торговать ими, продавая соседям и путникам, идущим по дороге мимо ее дома. И довольно скоро она разбогатела.

Тин-тин Кобакама

Во всех японских домах полы в комнатах покрывают красивые, плетенные из тростника циновки. Стебли тростника в циновках так плотно подогнаны друг к другу, что раздвинуть их можно лишь при помощи ножа. Циновки меняют только раз в год и содержат их в чистоте. Дома японцы никогда не ходят в обуви, не пользуются стульями, в их жилищах нет привычной европейцам мебели. Они сидят, спят, едят и иной раз даже пишат, сидя на полу. Поэтому циновки должны быть всегда чистыми, и японских детей учат, едва только они начинают говорить, не портить и не пачкать их.

Японские дети – исключительные, особенные. Все путешественники – по крайней мере, те, кто писал о Японии в своих книгах положительно, – отмечают, что маленькие японцы куда более послушные и значительно менее озорные, нежели их английские сверстники. Они не пачкают и не портят вещи, никогда не ломают игрушки. Японская девочка не ломает свою куклу. Нет, напротив, она будет беречь ее и хранить даже тогда, когда уже станет взрослой женщиной и выйдет замуж. Когда она станет матерью и у нее появится дочка, то она передаст куклу своей малышке. И ребенок будет беречь куклу так же, как берегла мама, и хранить до тех пор, пока сама не вырастет; а затем наконец передаст ее своим детям, и те будут играть с ней столь же трогательно, как играла их бабушка. Я сам, рассказывающий эту историю для вас, видел в Японии кукол, возраст которых перевалил за сотню лет, а они выглядели так, словно были совсем новыми. Это показывает, каковы японские дети и почему полы в домах в Японии всегда чистые – дети не испортят и не поцарапают их, потому что озорство им несвойственно.

Закономерен будет вопрос: неужели *все* японские дети такие замечательные? Конечно нет. Есть среди них дурные, испорченные дети. Но их мало, очень мало. А что происходит с циновками в тех домах, где обитают эти негодные дети? Да ничего плохого не происходит, потому что есть фэйри, которые заботятся о циновках. Эти маленькие человечки пугают и дразнят детей, которые пачкают или портят циновки, или, во всяком случае, дразнили и пугали маленьких негодников в прошлом.

Я не очень уверен, остались ли еще фэйри в Японии: эти ужасные железные дороги и телеграфные столбы заставили многих из них бежать без оглядки. Но у меня есть одна маленькая история о них. Вот она.

Много лет тому назад жила-была маленькая девочка. Она была очень мила и красива, но, увы, очень ленива. Родители ее были богаты, и потому у них было множество слуг. Все слуги боготворили девочку и с радостью выполняли любые ее прихоти. Может быть, это и сыграло свою роль в том, что она выросла такой ленивой. Даже когда она повзрослела и превратилась в красивую женщину, слуги по-прежнему одевали и раздевали ее, расчесывали и укладывали волосы, и она всегда выглядела просто очаровательно. Никому даже в голову не могло прийти, что у нее могут быть какие-то недостатки.

Время прошло, она вышла замуж за храброго воина и ушла жить с ним в его дом. Но в доме ее мужа слуг было совсем немного, и это обстоятельство весьма угнетало молодую женщину – ведь у нее дома их было так много! Теперь она должна была делать то, что прежде для нее делали другие. Ах, как тягостно было самой одеваться, заботиться о своей одежде, стирать ее и штопать! Сколько труда и хлопот нужно, чтобы выглядеть красивой и опрятной, чтобы муж мог любоваться тобой! Но поскольку он был воином, то, когда армия отправлялась в поход, ему часто и подолгу приходилось бывать вне дома. И тогда она могла лениться столько, сколько ей было угодно. Родители мужа были немолоды и добродушны и никогда не ругали свою невестку.

Так вот, однажды ночью, когда супруг вновь отправился в поход и женщина осталась одна, какой-то странный негромкий звук раздался в комнате и разбудил ее. Спальню освещал лишь тусклый свет, исходивший от единственного бумажного фонаря, но она вполне отчетливо могла видеть то, что происходит.

А увидела женщина очень странную картину. Сотни маленьких человечков, всего лишь в дюйм ростом²⁸, одетые в костюмы японских воинов, танцевали вокруг ее подушки. Все они были одеты в наряд, в который муж облачался только по праздникам. В Японии он называется *камисимо* и надевается самураями в торжественных случаях; его легко узнать по характерным накладным квадратным плечам. Волосы человечков были убраны особым образом и связаны у каждого узлом на затылке. В довершение каждый, как заправский самурай, имел по два крошечных, тоненьких меча. Все они смотрели на женщину и смеялись. И все танцевали вокруг ее подушки и пели одну и ту же незамысловатую песенку, повторяя слова снова и снова:

Тин-тин Кобакама
Ёмо фукэ соро, —
Осидзумарэ, Химэ-гимэ!
— Ия тон тон!

Что означало:

Мы – Кобакама:
Веселить вас будем в поздний час.
Нас сон принес. Спи, госпожа!
Ты не уснешь без нас!

На первый взгляд слова песни были безобидны, даже приятны, но очень скоро женщина поняла, что маленькие человечки жестоки и издеваются над ней. К тому же они постоянно гримасничали и корчили ей мерзкие рожи.

Она попыталась поймать хотя бы одного из них, но они неизменно ускользали и двигались так быстро и проворно, что ей никак не удавалось сделать это. Тогда она захотела прогнать их, но они не уходили и все время распевали одну и ту же песенку:

Мы – Кобакама:
Веселить вас будем в поздний час.
Нас сон принес. Спи, госпожа!
Ты не уснешь без нас!

И все время смеялись над ней. Тогда она поняла, что это фэйри – маленькие злобные духи, родственные гоблинам. Сделав это открытие, она так испугалась, что не смогла даже вскрикнуть от страха и словно онемела. Так они и протанцевали вокруг нее всю ночь до самого утра, а потом внезапно исчезли, словно растворились в воздухе.

Она постеснялась кому-нибудь сказать о том, что произошло ночью, – в конце концов, она была женой самурая и не хотела, чтобы кто-то узнал, как она испугалась.

На следующую ночь все повторилось – маленькие человечки пришли снова и вновь пели и танцевали. И так стало повторяться каждую ночь. Каждую ночь они появлялись в один и тот же час, который издревле в Японии называют часом Быка и который соответствует современным двум часам после полуночи. Поскольку посещения маленьких человечков не прекра-

²⁸ 1 дюйм равен 2,54 см.

щались, женщина вскоре совсем ослабела – она почти не спала и очень боялась. Но фэйри не оставляли ее в покое.

Когда муж женщины вернулся домой, он очень расстроился, увидев ее в постели больной. Поначалу она боялась рассказать ему, что привело ее в такое состояние, опасаясь, что он станет смеяться над ней. Но он был так добр к своей жене, так мягко с ней разговаривал и так нежно ухаживал, что через некоторое время она все-таки отважилась рассказать о том, что происходит каждую ночь.

Выслушав свою жену, самурай не стал смеяться над ней, а, напротив, сделался очень серьезным и даже нахмурился.

Потом он спросил:

– В какое время они приходят?

Она ответила:

– Всегда в один и тот же час – в час Быка.

– Хорошо, – ответил ее муж. – Вечером я спрячусь и буду ждать, когда они появятся.

Ничего не бойся.

Он спрятался, укрывшись за ширмой здесь же, в спальне, и принялся наблюдать сквозь щелку между створками.

Он терпеливо ждал, ни на минуту не смыкая глаз до часа Быка, и, когда сравнялось два часа ночи, маленькие человечки возникли все разом, появившись сквозь щели между циновками, устилавшими полы в комнате. Сразу же они принялись танцевать и петь:

Мы – Кобакама:

Веселить вас будем в поздний час.

Нас сон принес. Спи, госпожа!

Ты не уснешь...

Они выглядели так необычно и танцевали столь забавно, что самурай едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться. Но, взглянув в лицо своей молодой жены и увидев, как сильно она напугана, он не стал этого делать. Он вспомнил, что почти все японские духи, фэйри и гоблины боятся обнаженного меча. Обнажив клинок, он выскочил из своего укрытия и бросился на маленьких человечков. В то же мгновение, едва увидев самурая, все они превратились... Во что бы вы думали?

В зубочистки!

И не было больше никаких маленьких человечков в нарядах самураев – только множество старых зубочисток лежали россыпью по циновкам.

Молодая женщина была слишком ленива для того, чтобы убирать за собой использованные зубочистки. Каждый день после трапезы она брала новую зубочистку, а потом, используя, избавлялась от нее, засовывая под циновку. В конце концов фэйри, которые жили под циновками, рассердились и принялись мучить жену самурая, издеваясь над ней.

Кстати, в свое время и мать женщины видела маленьких фэйри. Как-то она засиделась до глубокой ночи и увидела их, но не растерялась, а сама на них напала! И что бы вы думали? Они превратились в сливовые косточки! Так и стало известно, что у одной маленькой девочки есть весьма дурная привычка. Она от нее избавилась и стала очень хорошей девочкой.

Значит, можно вспомнить и еще одну историю – о маленькой и очень ленивой девочке, которая любила есть сливы и имела обыкновение прятать косточки под циновками. Так она и делала. И никто не знал об этом до тех пор, пока маленькие фэйри не рассердились и не наказали ее. Каждую ночь очень маленькие, прямо-таки крошечные женщины – все они были одеты

в яркие, красного цвета одежды с очень длинным рукавом – в один и тот же известный час появлялись словно из ниоткуда, принимались танцевать, строить рожицы и не давали девочке спать...

Но вернемся к истории о молодой женщине – жене самурая. Муж очень ругал жену. Ей было так стыдно, что она даже не знала, что и делать. Наконец позвали слугу и приказали собрать все зубочистки и сжечь их. После этого никогда больше маленькие человечки не возвращались и никого не тревожили.

Сокрытое во мгле

Из сборника «Shadowings», 1900

Примирение

Жил-был однажды в Киото некий молодой самурай. Так случилось, что его господин оказался в немилости. Вследствие этого самурай лишился службы и впал в отчаянную бедность. Затем обстоятельства сложились таким образом, что он был вынужден покинуть свой дом и отправиться служить властителю одной дальней провинции. Прежде чем покинуть столицу, самурай развелся с женой – доброй и красивой женщиной, надеясь, что новый союз поможет ему в продвижении по службе. Он женился на девушке из состоятельной семьи и отбыл к месту службы.

Его поступок, конечно, был продиктован легкомыслием молодости и жестокой нуждой, в которой пришлось существовать. Самурай еще не понимал, что любовь – это не то чувство, с коим легко расстаться, завязав новые отношения. Второе супружество не сделало его счастливым: характер у молодой жены был тяжелый и эгоистичный. Очень скоро мужчина стал тосковать по тем дням и той жизни, что вел в Киото. Затем он понял, что все еще любит свою первую жену, любит куда больше, чем способен полюбить вторую. И начал осознавать, как несправедлив и неблагодарен он был. Его раскаяние с каждым днем становилось глубже, угрызения совести лишали сна и покоя. Воспоминания о женщине, которую обидел, постоянно преследовали его. Он вспоминал ее мягкую речь, ее смех и улыбку, блюда, которые она готовила, ее манеры, ее неразговорчивость и терпеливость. Иногда во сне он видел, как она ткёт пряжу – как тогда, когда она просиживала у ткацкого станка день и ночь, чтобы помочь ему в годы нищеты и скорби. Но еще чаще ему виделось, как она стоит на коленях в маленькой комнатке, где он ее оставил, и утирает текущие из глаз слезы рукавом изношенного халата. Даже в часы службы мыслями он возвращался к ней и постоянно спрашивал себя: как она живет, что сейчас делает? Что-то в его сердце говорило, что она не вышла замуж и сумеет простить его. И для себя он решил, что, как только сможет вернуться в Киото, сразу же разыщет ее – попросит прощения и вновь соединится с нею, сделает все, чтобы искупить вину. Но годы шли...

Наконец срок службы истек, и самурай мог распорядиться своей судьбой самостоятельно.

«Теперь я вернусь к своей любимой, – поклялся он себе. – Ах, какая глупость и какая жестокость, что я развелся с ней!»

Он расстался с нынешней женой и отослал ее к родителям под предлогом того, что у них нет детей, и тотчас же поспешил в Киото. Без промедления он отправился на розыски бывшей супруги – даже не переоделся, а пошел как есть: в пыльной дорожной одежде.

Уже наступила ночь – ночь десятого дня девятого месяца, когда самурай оказался на улице, где жила его первая жена. Город казался вымершим – было тихо, как на кладбище. Но луна светила ярко, все было видно, и он разыскал дом без труда. Он выглядел заброшенным: местами тростниковая крыша даже поросла бурьяном. Он постучал в дверь, но ему никто не ответил. Он обнаружил, что двери не заперты, и проник внутрь. Передняя комната оказалась совершенно пуста – даже циновки, что покрывают пол, отсутствовали. Холодный ветер задувал сквозь щели, через рваное отверстие в стене светила луна. Другие комнаты имели такой же нежилой вид. Похоже, дом был заброшен. Тем не менее самурай обошел все комнаты и наконец добрался до самой дальней – он знал, что эта комната была ее любимой, прежде ей нравилось здесь отдыхать. Подойдя к ширме, что отделяла помещение от остальных, он замер, потому что увидел слабый свет, что шел оттуда, пробиваясь сквозь бумагу. Он раздвинул двери и вскрикнул от радости: он увидел ее там – она склонилась над шитьем при свете тусклого бумажного фонаря. В этот самый момент она подняла глаза и встретила с его взглядом. Со счастливой улыбкой она просто спросила:

– Когда вы вернулись в Киото? Как разыскали меня в этом пустынном доме?

Годы, казалось, совсем не изменили ее. Она была все такой же красивой и молодой – точно такой, как рисовала ему память. Но слаще всего был ее голос: в нем звучали музыка, трепет и удивление.

Вне себя от радости, он сел напротив нее и рассказал все: как глубоко раскаивается в своем эгоизме, как без нее был несчастен, как жалел, что так поступил, и как надеялся вновь соединиться с ней и загладить свою вину. И постоянно извинялся – просил у нее прощения снова и снова. Она отвечала ему с любовной мягкостью, от души умоляя его прекратить это самобичевание. Неправильно, говорила она, что он позволил себе страдать из-за нее; она всегда чувствовала, что недостойна быть его женой. Да и разлука их случилась только по причине бедности, а он всегда был добр к ней. Потому она никогда не переставала молиться о его счастье. Но даже если у нее и был повод винить его, то теперь он совершенно исчез, потому что он пришел к ней. Разве существует большее счастье – увидеть его снова, увидеть хотя бы на мгновение!

– Только на мгновение? – отвечал он ей радостным смехом. – В таких случаях говорят: в данное из семи существований. Возлюбленная моя, я вернулся к вам навсегда и никогда больше вас не покину! Ничто не сможет разлучить нас снова! Теперь я богат; у меня есть и друзья, и имущество – нам не нужно больше бояться нищеты. Вещи мои придут завтра, их принесут сюда. Придут мои слуги, вы будете управлять ими, и этот дом снова станет красивым.

Затем он продолжал уже сконфуженно – извиняясь:

– Я пришел к вам поздно, в дорожном платье, не переодевшись – но только потому, что я должен был увидеть вас и сказать все то, что сказал.

Выражение ее лица говорило о том, что ей приятно слышать эти слова, и она в свою очередь стала рассказывать о том, какие события случились в Киото после его отъезда. Единственное, о чем она говорить не стала, так это о своих страданиях. О них она не сказала ничего.

Так они проговорили до глубокой ночи. Затем она проводила его в комнату, где было потеплее, – ту, что выходила стеной на юг. В прежние времена эта комната служила им супружеской спальней.

– У вас нет никого, кто бы помогал вам? – спросил он ее, когда она стала готовить для него постель.

– Нет, никого, – отвечала она, улыбаясь. – Служанку я не могу себе позволить. Так что я живу совсем одна.

– Завтра у вас будет много слуг, – сказал он. – Много слуг, и хороших слуг. И все остальное – что только пожелаете.

Они легли. Но не спали – им нужно было сказать слишком о многом друг другу, и они все говорили и говорили: о прошлом, о настоящем, о будущем – до тех пор, пока небо не посерело. А затем – совершенно неожиданно для себя – самурай смежил веки и... уснул.

Когда он проснулся, дневной свет уже пробивался сквозь щели в стене. К своему изумлению, он обнаружил, что лежит на голых досках истертого тухлявого пола. Неужели все, что было, только привиделось ему во сне? Да нет же – вот она, рядом. Она спала. Он наклонился к ней, посмотрел и – отпрянул с криком. Лица у нее не было! Перед ним, завернутый в тяжелый саван, лежал труп женщины... От нее мало что осталось – только высохшие кости, череп да черные длинные спутанные волосы.

Он очнулся уже на улице – под жарким солнцем его трясло и знобило от холода. Теперь ледяной ужас уступил место боли. Она была так жестока и невыносима, что, увидев прохожего, он попытался его убедить – якобы он только что появился здесь и теперь ищет кого-нибудь, кто смог бы указать ему путь к жилищу его бывшей жены.

Прохожий отвечал ему:

– Если вы говорите об этом доме, то там давно никто не живет. Прежде он принадлежал жене самурая. Но несколько лет назад он покинул город и развелся с ней, чтобы жениться на другой женщине. После того как он оставил ее, она тяжело заболела. В Киото родственников у нее не было, и некому было за ней ухаживать. И женщина умерла – в тот же самый год, осенью, ровно на десятый день девятого месяца.

Девушка с бумажного экрана

Один из старых японских авторов утверждает:

«В китайских и японских книгах – как в древних, так и относительно недавних – содержится немало историй на сходную тему: в них рассказывается о картинах, исполненных так искусно и с таким талантом, что они оказывают магическое воздействие на тех, кто ими владеет».

И вот еще что говорится:

«Фигуры на этих красивых картинах (будь то изображение цветов, или птиц, или людей), созданные великими мастерами, способны оживать, покидая бумагу или шелк, на которых изображены, совершать действия и поступки и даже жить среди людей».

Не будем повторять ни одну из этих старых, с древних времен хорошо известных историй, а расскажем одну – что случилась совсем недавно.

В славном городе Киото жил один студент по имени Токкэй. Его жилище располагалось на улице Маромати, что известна множеством лавок подержанных вещей. Однажды вечером студент возвращался домой. Проходя мимо одной из таких лавок, он увидел выставленную на продажу картину. Она была нарисована на бумаге и представляла собой экран, коими принято делить жилое пространство в японских домах или украшать стены. На нем была изображена девушка в полный рост и в натуральную величину. Ее изображение поразило юношу. Торговец запросил за картину совсем немного. Токкэй купил ее и отнес домой.

Молодой человек пришел к себе и повесил экран на стену. Картина показалась ему еще более прекрасной, чем тогда, когда он захотел ее купить. Видимо, на бумаге была изображена реальная девушка примерно лет пятнадцати-шестнадцати – настолько тщательно и правдиво была выписана каждая деталь: пряди волос, глаза, ресницы, рот. Ее лицо было безупречно и прекрасно: взгляд подобен распустившемуся цветку лотоса, губы – как алые маки, да и все лицо было замечательно свежо и прекрасно. Если и в жизни она была такова, как на картине, едва ли сыскался бы мужчина, способный не потерять голову и не влюбиться. А девушка казалась такой живой, что представлялось – задай ей вопрос, и она ответит...

Чем дольше юноша смотрел на картину, тем сильнее она его завораживала, и он не мог сопротивляться ее очарованию.

– Возможно ли это, – бормотал он, – что в реальном мире на самом деле существует создание настолько прекрасное? С какой радостью я отдал бы жизнь – да что жизнь? Тысячу жизней! – только затем, чтобы хоть на мгновение удержать ее руку в своих руках!

Короче говоря, он влюбился в картину – и влюбился настолько сильно, что почувствовал невозможность полюбить земную женщину, если та не будет копией изображения. Но ведь девушка, изображенная на картине, давно могла стать совсем иной. Более того, может быть, она умерла за многие годы до того, как он появился на свет!

Тем не менее здравому смыслу вопреки день ото дня страсть к портрету все сильнее охватывала юношу. Он не мог уже ни есть, ни спать. Он забросил занятия, что прежде так радовали. Долгими часами просиживал перед картиной, разговаривал с девушкой – ничто больше не влекло его. Наконец он заболел. Болезнь его была тяжела, и сам он уверовал, что скоро умрет.

Среди знакомых Токкэя был один почтенный ученый, который слыл сведущим о странностях, что рождают старые картины в юных сердцах. Этот благородный старец, узнав о болезни Токкэя, пришел навестить его. Когда он увидел экран и ту, что была изображена на нем, он понял, что произошло. Он взялся расспрашивать юношу, и тот рассказал все без утайки. Свой рассказ он закончил словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.